Н. Н. АЛЕКСЕЕВ

Собственность и Социализм

ОПЫТ ОБОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ЕВРАЗИЙСТВА

ЕВРАЗИЙСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

ПАРИЖ — 1928 г.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
192
28

Гл. 1. Постановка вопроса

Не было еще эпохи в европейской истории, когда институт частной собственности подвергался таким потрясениям, как это происходит в наши дни. Вот уже полтора столетия, как в общественной философии провозглашен знаменитый лозунг — «собственность есть воровство»*). Лозунг этот в течении прошлого века постепенно превращается в целую социально-политическую программу, обоснованную в различных течениях новейшего коммунизма и социализма. Социализм, будучи сначала чисто теоретическим учением, проповедуемым немногочисленной группой фантазеров, постепенно превращается в практическую систему, все более и более захватывающую настроения широких народных масс. Социалистические партии приобретают не только многочисленных сторонников, но и значительный удельный вес в жизни новейших европейских обществ. После великой войны партии эти становятся партиями большинства и, след., партиями правящими. Наиболее крайние и решительные из них совершают попытку организации общественного устройства на основе отрицания принципа частной собственности. Сюда принадлежит прежде всего наиболее грандиозный в истории человечества опыт насильственной отмены частной собственности, проводимый российской компартией, — опыт хотя и не удавшийся, однако, идейно до сих пор еще не изжитый ни в России, ни в Европе. Неудача его до сих пор приписывается многими сторонниками социализма и коммунизма не ошибочности этих самых систем, но преждевременности их осуществления, к тому же в экономически слабо развитой стране, обнищавшей от последствий великой войны. Одним словом, в сознании народных масс некогда «священный» принцип частной собственности как будто утратил всякую ценность, и нужны какие то огромные новые сдвиги, чтобы восстановить его хотя бы частичное признание.

И вместе с тем до сих пор еще институт частной собственности имеет убежденнейших сторонников, которые верят в его святость и в его могучую целительную силу при восстановлении нарушенного равновесия социальной жизни. В создании собственности, как «прочного настроения», как «устремления народных масс» видят единст-

*) Впервые у Brissot, Récherches philosophique sur la propriété et le vol, вышла во второй половине XVIII века. Цит. по P. Janet Histoire de la science politique, 3 éd., V. II.

венное средство для борьбы с коммунизмом. В насаждении собственности усматривают основу для произрастания истинного патриотизма и национализма. Всю ответственность за социальную катастрофу — в частности русскую — сваливают на отсутствие частной земельной собственности у нашего крестьянства. При этом закрываются глаза на то, что все современное социальное движение и связанный с ним красный призрак социальной революции являются неизбежной обратной стороной общественного порядка, построенного на исключительном господстве принципа частной собственности. Нужно обладать значительной долей политической наивности, чтобы серьезно думать, что упрочение у нас порядка частной собственности не повлечет за собой новой постановки, так называемого «социального вопроса». Частная собственность, введенная без всяких коррективов, означает безконечное обогащение одних и обеднение других. Пролетаризация и пауперизм суть вечные спутники частной собственностисти. А, следовательно, спутником ее является и социализм, т. е. новое обесценение принципа частной собственности. Если в России на развалинах коммунизма вырастет новый капитализм, в ней неизбежно возникнет новое рабочее движение, которое, по всем вероятиям, должно снова выкинуть социалистическое знамя, т. е. снова об'явить войну частной собственности. Поистине от такой перспективы становится скучно и тошно. Если уже она неизбежна, то, по крайней мере, ее не следует прославлять и вводить тем в обман наивных людей, свято верующих, что насаждение у нас начал частной собственности означает окончательную социальную стабилизацию, исключающую возможность повторения тех событий, которые при режиме частной собственности во Франции породили 1848 год и парижскую коммуну.

Но, может быть, в такой перспективе и нет фатальной неизбежности? Может быть, институт частной собственности подлежит каким то исправлениям, которые предупредят зарождение общественного недовольства и розни? Может быть, институт этот можно преобразить так, что он действительно способен будет придать общественным отношениям известную устойчивость и спокойствие? И что же такое исправление и такое преобразование должны итти в направлении, предлагаемом современным социализмом, или какими либо иными путями? Таковы вопросы, от решения которых, бесспорно, зависит историческая судьба будущей России, ныне стоящей на пути от отрицания частной собственности к ее утверждению, на пути от коммунизма к капитализму. Каждая ошибка, здесь сделанная, может породить непоправимое зло, и каждый верный шаг может обеспечить нашему государству истинно блестящее будущее. Между тем современные наши политические направления внушают мысль, что мы, скорее, стоим на пути ошибок, чем готовимся предпринять правильные политические шаги. . У нас сейчас есть две группы политиков: одна из них торжествует, что в России водворяется капитализм и по-

ет дифирамбы частной собственности; другая готовит себе место будущей социалистической оппозиции в будущем капиталистическом государстве, т. е. предполагает начать более или менее безответственную войну против частной собственности после падения коммунистической власти. Кстати и последняя группа тоже не прочь иногда торжествовать по поводу нарождающегося в России капитализма и не прочь ему посочувствовать, — ведь положение социалистической оппозиции в буржуазном государстве куда легче и приятнее, чем положение современных русских коммунистов... Другими словами, первая группа пребывает в догматизме буржуазном, вторая, — в догматизме социалистическом, который отличается от коммунизма не качественно, но количественно. Таким образом *критически* проблему частной собственности никто не ставит. И никто не имеет практической социальной программы, которая основывалась бы на подобном *критическом* рассмотрении вопроса о собственности.

В современной науке проблема собственности преимущественно изучается юристами, историками и политиками. Первые — связаны в трактовании вопроса рамками, поставленными им положительным, действующим правом. Они принуждены в силу этого изучать не то, что такое собственность по своему существу, но что *считается* собственностью в современных законодательствах, — иными словами, что более или менне *условно* установлено на этот предмет законами. В такой трактовке вопрос не ставится во всей его теоретической широте. Вместо собственности в ее целом подставляются современные установления частной буржуазной и капиталистической собственности. Оттого юристы чувствуют себя беспомощными, когда дело идет о собственности в установлениях социалистического или коммунистического государства. Понятие о собственности приобретает у них неизбежно характер односторонний и однобокий. Гораздо шире подходят к вопросу о собственности историки. Их постановка вопроса убеждает, что явление собственности многосложно и изменчиво; что существуют различные виды собственности и что современные институты собственности не суть какие то абсолютные категории, а только более или менее временные установления. История решительно исцеляет от того идолопоклонства, которое свойственно некоторым современным поклонникам частной собственности. Однако, историческая трактовка, как и всякое историческое изучение, не дает еще идеи собственности в ее наиболее общем существе. История институтов имеет дело всегда с воплощениями, а не с самым ядром явлений, которое скорее предполагается историками, чем ими определяется. Наконец, политики не столько изучают, что такое собственность, сколько стремятся определить, в каком направлении должны быть изменены современные институты частной собственности. При этом, по крайней мере у современных политиков, наблюдается полная неясность понятий, настоящее вавилонское столпотворение, смешение языков. В последующем мы убедимся, что во всем современном соци-

ализме нет ясного понятия о собственности и царствует полная неясность по вопросу о том, в каком направлении она должна быть изменена. Как это ни удивительно, но большинство современных социалистов, предлагая реформу собственности и призывая к ее отмене, бродят в совершенных потемках и не знают точно, к чему они стремятся.

Критическое отношение к проблеме собственности обязывает поднять вопрос на высоту общих философских понятий. В последующем мы и попытаемся подойти к названному вопросу с точки зрения философии права. Нас будут интересовать в первую очередь не положительные установления собственности, и не ее различные исторические формы. Мы не будем исходить и из планов преобразования современных институтов. Мы постараемся прежде всего нащупать самое *ядро собственности*, независимо от того, какая она, — частная или общественная, первобытная или современная, капиталистическая или социалистическая. Мы увидим, что, по определении этого ядра, основные моменты проблемы собственности предстанут пред нами в новом и особом освещении.

Гл. 2. Существо собственности

Наиболее распространенный среди юристов взгляд на собственность исходит из предположения, что собственность есть одно из установлений, изобретенных человеком для известных общественных целей *). Человек установил собственность так, как он установил обычаи, приличия, нравы, моду и т. п. В природе собственности, взятой самой по себе, не лежит никакого об'ективного отношения, которое обнаруживало бы внутреннюю необходимость, лежавшую за внешней произвольностью ее установленных форм. Такое об'ективное, чисто физическое отношение лежит в основании того явления, которое может иногда совпадать с собственностью, но может и не совпадать, — в основании фактического обладания человека вещью (detentio) или фактического владения вещами (possessio). Для того, чтобы существовало обладание или владение, необходима физическая связь между человеком и вещью; собственность же, напротив, вовсе не предполагает такой связи, собственность может быть голым правом, не связанным с обладанием; украденная вещь, например, не находится в

*) Так называемая *легальная* теория. Ее придерживаются не только юристы, но и многие историки и философы права, напр., Bossuet, Politique tirée de l'Ecriture. Liv. I, art. 3-4. Montesquieu, Esprit des lois. Liv. 26. Chap. 15. Теории этой придерживались также Гоббс, Бентам, отчасти Руссо и др. Общую оценку воззрений на произвольное установление юридических институтов можно найти у Н. Н. Алексеева, Основы философии права, гл. I, § 1-3.

обладании собственника, однако, право собственности тем самым не прекращается. Собственность есть *право,* т. е. особо установленный способ признания за некоторыми лицами положительной *возможности* распоряжения и господства вещами и охраны такой возможности от посягательств со стороны третьих лиц. В основе такого права нет ничего об'ективного; содержание его исчерпывается тем, что фактически установлено и признано в данном государстве и не признано в другом. Оттого ошибочно искать в основе собственности каких либо об'ективных отношений и спрашивать *на чем она основывается* и каковы ее об'ективные признаки и отличия. Основы, признаки и отличия собственности содержатся в правовых установлениях, в законах, в нормах, определяющих в каждом государстве существо собственности и ее отличительные черты. Нельзя дать какое-либо отвлеченное, философское определение собственности, помимо того, которое уже дано в законах, в положительном праве. Законы в различных государствах различны, следовательно, могут быть различными и определения существа собственности. Кроме того, законы эти могут изменяться, следовательно, может изменяться и существо собственности. Исходя из этих предположений, неизбежно прийти к выводу, что принципиально возможным является и полная отмена собственности. Тот, кто ее установил, может ее и уничтожить, отменить, как отменяются рукопожатия и другие правила человеческого обихода.

Хотя указанные воззрения и разделяются многими юристами, положительной задачей которых является защита института собственности, однако в них, как и во всякой теории произвольного установления, содержится значительная доля разрушительного скептицизма. Из взгляда на собственность, как на историческое установление, как на историческую «идеологию», исходят и многие современные отрицатели собственности. «Понятие собственности» — говорят они — «есть только рефлекс, только продукт условий государственной и общественной жизни и, естественно, понятие это подчиняется, вместе с означенными условиями, постоянным изменениям. Современное понятие собственности иное, чем понятие собственности в прошедшем, как настоящее государство и общество иные, чем были ранее. Поэтому всего более курьезно и всего более противоречит историческому развитию рассуждать о каком то постоянном «принципе собственности», который внедрен в центр политического и социального мира, как солнце, которое приводит в движение землю и другие планеты. Понятие собственности зыбко, как песок, и тот, кто полагается на вечность института современной частной собственности, строит свое здание на песке *). Мы видим, что конечные последствия воззрений юристов и современных отрицателей собственности в значительной степени совпадают. Собственность, сведенная к произвольному установлению и

*) Ср. Liebknecht, Zur Grund-und Bodenfrage, 2-te Aufl., Lpz. 1876, стр. 7.

лишенная всякой идейной или об'ективной основы, становится институтом зыбким, лишенным всякой подлинности и всякого внутреннего существа.

Стремление отыскать доправовые, сверх'юридические (в смысле положительного права) основы собственности были искони свойственны человеческой мысли, — и этими стремлениями вдохновлялись старые учения естественного права*). Согласно естественно-правовым воззрениям происхождение института собственности сводилось к тому первоначальному договору, который заключали между собой люди в естественном состоянии и в результате которого вообще возник организованный порядок, — положительное право, общественная власть, государство. Как люди согласились между собою повиноваться избранным ими властям — и каким образом произошло государство, — подобным же образом люди согласились взаимно уважать общие имущественные интересы — и таким образом произошел гражданский порядок общежития, основой которого является личная собственность. Было время, когда эти естественно-правовые воззрения были чрезвычайно распространены преимущественно на Западе, — но в настоящее время их приходится считать совершенно устарелыми. Развитие исторических знаний показало, что подобных договоров в действительности не существовало, а если их считать простыми фикциями, построенными для об'яснения существа социальных институтов, то в конце концов они ничего не об'ясняют. Чтобы договориться о том, что является «моим» и что «твоим», нужно уже обладать идеей собственности. Общественый договор равным образом предполагает понятие собственности, а не об'ясняет его. И сами теории естественного права чувствовали этот свой недостаток, пытаясь отыскать помимо договора, другие доправовые основы собственности. Основание собственности усматривали в труде (английский политик и философ Локк), в первоначальном завладении или оккупации (Руссо) и т. д.

По нашему мнению, существование доправовых основ собственности не подлежит никакому сомнению, вопрос только заключается в том, как их можно определить. Определение доправовых основ собственности лучше всего приурочить к основным категориям права, предполагаемым каждым правовым институтом, поскольку мы мыслим его, как установление *правовое*. Существует четыре таких правовых категории: 1) правовой суб'ект; 2) правовой об'ект; 3) правовое содержание; 4) правовое отношение**). Это значит в применении к собственности, что 1) нельзя мыслить этот институт без того, чтобы не пред-

*) Так называемая естественно-правовая теория собственности. защиту которой можно найти у Гуго Гроция, Пуффендорфа, Локка и др.

**) Ср. O. Gierke. Deutsches Privatrecht, I, 1895, стр. 256. Изложение категорий права в моих «Основах философии права», стр. 74 и след., несколько отличествует от Гиркe, что об'ясняется особыми задачами, которые я ставлю в названной главе моей книги (именно, стремлением отыскать *максимально* общие предпосылки всякого права вообще).

положить некоторое лицо, которое является собственником; 2) нельзя мыслить собственности без предположения некоторого предмета, на который установлена собственность; 3) нельзя мыслить указанный институт без предположения, что отношения вышеуказанного лица к предмету имеют определенное содержание, складываются из особых имеющих определенное значение действий; 4) нельзя мыслить, что отношения собственника к предмету собственности не затрагивали бы правовых отношений других лиц и их бы не предполагали. Положительное право, в качестве необходимой основы установленной собственности, и предполагает существование определенного «кто» (суб'ект), определенного «что» (об'ект), определенного отношения того и другого (содержание), определенного отношения к обществу, возникшего по поводу вышеуказанного отношения суб'екта к об'екту (правоотношение). Исследуем теперь, к чему сводится в действительности формально определенное нами доправовое строение собственности.

а) Суб'ект собственности

Очевидно суб'ектом собственности может быть только такое существо, которое живет в мире оформляемой им материи и обладает нуждами и потребностями. Существо, которое бы обладало способностью безусловного творчества, не может иметь никакого интереса к собственности. Кто ни в чем не нуждается, не нуждается также и в собственности. Поэтому нельзя считать Бога, понимаемого, как начало абсолютного творчества, как actus purus — нельзя считать его собственником того, что им сотворено. Бог, как безконечный творческий акт, не может унизиться до того, чтобы быть большим помещиком в мире и считать созданные им вещи своей собственностью. Это означало бы, что Бог творил из лишения, из недостатка, в нужде и в бессилии. Мы, конечные существа, считаем вещи *своими* потому, что мы не творили этих вещей; мы находим материю в пространстве и времени и можем только придавать ей ту или иную необходимую нам форму. Мы нуждаемся в определенной форме вещей, и эта нужда заставляет нас считать вещи своими, делиться вещами, заведывать ими, присваивать их. Даже тогда, когда дело идет о предмете нашего наиболее свободного творчества, мы присваиваем его продукты, именно, по нашей ограниченности, по нашей неспособности творить бесконечно. Мы считаем «своими» произведения нашего ума, таланта, изобретательности только потому, что мы можем написать *определенное* количество ученых книг, стихов, или романов, сделать несколько *определенных* изобретений. Продукты нашего творчества не текут из нас, как из рога изобилия, оттого мы ими дорожим, как редкостями, считаем их за уникумы, — и закрепляем за собой, присваиваем.

Изложенным выше мыслям о суб'екте собственности можно придать и другую следующую формулировку: суб'ектом собственности может быть *не личность вообще*, но та личность, которая обладает телесной природой, — следовательно, суб'ектом права может быть *физи-*

ческий индивидуум. В опытном, воспринимаемом нашими чувствами мире мы и не знаем о существовании других индивидуумов, кроме физических, однако, разумом нашим мы можем без противоречия мыслить такую личность, в которой нет земной телесности, — духовную личность действительное существование которой утверждается не только религиозным сознанием, но и многими философскими теориями. Нет основания утверждать, что такая духовная личность может быть суб'ектом собственности. Чистый, бесплотный дух не нуждается ни в одежде, ни в пище, ни в доме, ни в участке земли. Ему чужды потребности в нашем, физическом смысле этого слова. Поэтому и нельзя считать собственность необходимым свойством каждого духовного существа и нельзя считать ее категорией права.

Из юридической практики, особенно современной, известно, что фактическими суб'ектами права собственности бывают не только физические лица, но и лица коллективные, «идеальные», — общества, корпорации, союзы, социальные организмы (юридические лица). Признание этого факта стоит ли в противоречии с высказанными выше взглядами на суб'ект собственности? Мы думаем, что противоречия здесь никакого нет. Опыт показывает, что кроме так называемых физических (одночеловеческих) личностей в общественной жизни существуют еще и личности коллективные (многочеловеческие). Совокупности физических лиц не представляют собой простой кучи предметов, простого аггрегата; совокупности могут обладать своей, особой жизнью, своими интересами и потребностями. Эти интересы могут требовать признания за совокупностью права на собственность, — того права, которое не слагается из суммы прав отдельных членов этой совокупности и составляет особое право личности многочеловеческой. Однако, нужно помнить, что, хотя подобные коллективы или многочеловеческие личности, иногда и называются в юридической теории лицами «идеальными», «духовными организмами», однако, они вовсе не исключены из физического мира, вовсе не лишены телесной природы, вовсе не принадлежат к миру чистой, бесплотной духовности. Коллективные личности в той же степени физичны, как и физические лица. Они живут на земле, имеют земные нужды, должны производить и потреблять блага, словом, должны, как и отдельные люди, подчиняться всем законам физического бытия. Словом, они являются особым родом сложных, физических индивидуумов, а потому они и могут быть суб'ектами собственности так же, как и отдельные люди.

б) Об'ект собственности

Об'ектом собственности являются не все вещи вообще, но только те из них, которые встречаются в природе в некоторой ограниченности. Причем, под ограниченностью этой следует понимать, прежде всего, фактический недостаток необходимых человеку вещей, экономическую скудость; и, далее, под ограниченностью следует понимать индивидуальный характер вещей, их единственность, редкость, своеоб-

разие. Первое есть свойство вещей заменимых, массовых; второе — свойство вещей незаменимых, единичных.

Предположением идеи собственности, таким образом, является некоторое лишение, некоторая бедность, — т. е. отношения, лежащие чисто в фактическом бытии. Вывод этот находит неопровержимо подтверждение в воззрениях на первоначальные (оригинарные) способы приобретения собственности, которые составляют не только предмет рассуждения юристов, но и глубоко заложены в человеческом сознании народов различных культур и различных эпох. Существует два способа приобретения собственности — это оккупация или захват и обработка предмета, истраченный человеческий труд. Оккупация есть завладение, основанное на борьбе за вещи *), бороться же имеет смысл только тогда, когда подлежащих вещей мало или просто они единичны. Когда первоначальный заимщик земли облюбовывал свой участок и ставил на нем свой знак, вырубленный на дереве, или свою веху, он действовал в том соображении, что таких участков мало, а, может быть, просто нет. Он имел дело с единичной, неизменной вещью, которою нельзя не дорожить. Редкость и составляет здесь основу интереса к собственности. И сюда тотчас же присоединялся труд. Выкорчевав лес и обработав участки, заимщик тем более имел основание считать его своим. То, что мы говорим здесь, не есть плод теоретических рассуждений. Право заимки есть право, глубоко вложенное в сознание нашего крестьянина, — и достаточно ознакомиться с обычным правом русского народа, чтобы убедиться, что *захват и труд* — таковы были в его убеждении первые титулы собственности. На убитом звере на охоте, которого нельзя было донести, ставился знак — и знак этот чтился всяким другим охотником: зверь был чужой, присвоенный. Добытчик зверя был собственником, а на чем же основывалось право добытчика? Реальным его основанием была борьба со зверем, его захват, оккупация и труд, потраченные при добыче **). Добывать же можно только предметы, имеющиеся в некоторой, хотя бы относительной скудости. Предметы, которых безгранично много, не добывают, как не добывают воздуха. Не встречающиеся в изобилии вещи не достаются человеку легко. Для добычи их нужны усилия, та или иная затрата энергии. Даже если такая вещь достается человеку чисто случайно, без особой затраты труда, то и здесь человек не может не учитывать благоприятности такого случая, приравнивая его к возможному труду, который необходимо было бы потратить на добывание данной вещи в условиях обычных. Благоприятный случай является здесь эквивалентом известных трудовых затрат. Чувство собственности есть, таким образом, одно из последствий понятного каждому человеку принципа траты и труда и сбере-

*) Ср. B. W. Leist, Ueber die Natur des Eigentums, 1859, ст. 81

**) С. В. Пахман, Обычное гражданское право России, СПБ. 1877, стр. 37 и след.

жения сил. Ценя свой труд, человек не может и не оценить всего того, для добывания чего необходимо бороться и трудиться.

Однако, идея собственности отнюдь не охватывает отношений человека *ко всем возможным,* не встречающимся в абсолютном изобилии вещам. Существуют вещи и отношения, обладание которыми не означает собственности даже тогда, когда дело идет о приложении человеческого труда и человеческих усилий. Сюда относится, прежде всего, мое тело, мои душевные качества, а также и другие живые люди, другие личности с физической и душевной стороной их жизни. В истории философии права издавна существует теория, пытавшаяся отыскать принцип собственности в свойствах самой человеческой личности. Теория эта часто не вполне отделялась от теории трудовой и излагалась совместно с этой последней одними и теми же мыслителями. Однако, названная теория преимущественно имеет происхождение римское и возникла в странах, находящихся под влиянием римского права. Она не раз была формулирована выдающимися романистами, учившими, что собственность, строго говоря, есть некоторое свойство самой личности *), продолжение или часть личности **), правовая мощь лица, наполняющая природу вещи. Когда в 1848 году *Тьер* выступил в защиту потрясенных революцией основ собственности, он не нашел других соображений, как только что приведенные. «Посмотрим на нас самих» — говорил он — «и на то, что находится вблизи нас». «Я чувствую, я мыслю, я хочу: эти чувства, эти мысли, эти волнения — все они относятся мною ко мне самому». «Первая из моих собственностей и есть моя, я сам. Будем двигаться теперь дальше из моего внутреннего мира, из центра моего я. Мои руки, мои ноги — разве они не *мои* без всякого спора и сомнения. Вот, следовательно, первый вид собственности: я сам, мои способности, физические или интеллектуальные, мои ноги, руки, глаза, мой мозг, словом мое тело и моя душа» ***). За этим первым видом следует второй, именно то, что не составляет частей моего тела и моей души, но что с ними непосредственно связано. Что составляет как бы их продолжение. Орудие, которое я держу в руках, составляет как бы продолжение моего я — я считаю его *своим,* принадлежащим мне, моей собственностью. Я распространяю на него те представления, которые возникли у меня при наблюдении отношений моих к самому себе, к своему телу и к своему духу ****).

Если рассматривать вопрос чисто психологически, то возможно предположить, что понятие собственности возникло в результате пе-

*) Brinz, Pandekten, 2-te Auft., I стр. 470.

**) C. Wirth, Beitrage zur Systematik der romischen Civilrecht, 1856, стр. 39.

***) M. A. Thiers, De la propriété, Paris, 1848, стр. 33-34.—Ранее Тьера те же воззрения развивал M. Cousin, Philosophie morale, стр. 15 и Destutt de Tracy, как его цитирует Прудон, Qu'est-ce que la propriété? Paris, 1868, Librairie internationale, стр. 53.

****) Thiers, L. c. стр 34.

ренесения некоторых представлений, заимствованных из нашего телесного и душевного мира, на область отношений людей к окружающим их вещам. Однако, такое перенесение имеет всегда характер некоторой символики, далеко не выражающей подлинного смысла подлежащих явлений. В качестве уподобления можно сказать, что «воля» мне «принадлежит» также, как «принадлежит» моя одежда; но по существу дела совершенно различен внутренний смысл явлений, покрываемых здесь одним понятием «принадлежность». То, что «принадлежит» к существу моего телесного и душевного я, связано с ним такой близкой и интимной связью, что отчуждение «принадлежащего» может рассматриваться, как более или менее решительное уничтожение моего самого в моем собственном бытии. Человеческой личности принадлежат такие «свойства», как напр., характер, отчуждение которого равносильно метаморфозе самой личности. Но существуют и другие «принадлежности» личности, лишение которых, если и не ведет к превращению, то во всяком случае лишает основных жизненных благ, — даже прекращает жизнь. Таков человек без ног, без глаз, без головы. Это делает так называемые «принадлежности» личности *свойствами неотчуждаемыми*, тогда как «принадлежности» в смысле собственности принципиально могут отчуждаться и возможность их отчуждения может быть ограничена, но не отрицаема принципиально. Сознание этого существенного различия достигалось людьми далеко не всегда. Идейные корни общераспространенного института рабства заложены в недостаточно отчетливом *сознании неотчуждаемости* того, что принадлежит к телесно-душевной сфере человека. Рабское сознание покоится на убеждении, что отношение человека к своей личности и к другим личностям принципиально не отличается от отношения к другим вещам, которые могут стать нашей собственностью. Отсюда вытекает, что можно отчуждать свою личность и можно приобрести чужую, — или часть ее, — путем оккупации (первоначальный военный плен) или обработки (воспитание рабов). В истории правовых установлений рабское сознание иссякает тогда, в отношениях людей к самим себе и к другим людям идея собственности уступает место идее договора. Человек может располагать своим душевным и физическим миром, не отчуждая его, как собственность, след., он может договориться об услугах, может отдать себя в распоряжение, но не безусловное, может вступить в отношения с другими людьми, но не вещные. Как ни проникнута этими идеями современная цивилизация, однако, в отдельных ее понятиях все еще имеются следы старых, рабских воззрений. Говорят, что рабочий является «собственником» своей рабочей силы; но сила человека принадлежит ему именно на основе неотчуждаемости. Поэтому рабочий не может по современному праву отчудить свою рабочую силу, как может отчудить свою одежду. Договор о найме для рабочего может быть очень тягостным, но он принципиально не есть договор об отчуждении собственности, — иначе, рабочий действительно бы становился рабом. Капиталистиче-

ская эксплуатация не есть рабство — и не в смысле меньшей тягости ее — рабу, может быть, жилось даже вольготнее, легче, — но в смысле принципиальных — идейных основ, на которых покоятся означенные явления.

Мы приходим, таким образом, к следующему выводу: понятие собственности охватывает совокупность, возможность отношений человека к вещам, встречающимся в природе в некоторой ограниченности, — за исключением отношений человека к самому себе и к другим людям.

в) Отношение суб'екта собственности к об'екту (содержание института)

Содержание института собственности определяется понятиями *господства* и *распоряжения*, которыми обладает суб'ект над об'ектом. Причем, повторяем, дело здесь идет не о фактическом господстве и распоряжении, а о *праве*, следовательно, о *возможности* господствовать и распоряжаться, признанной не только самим суб'ектом собственности, но и тем обществом, в котором он живет. По вопросу о характере этой власти собственника над вещью нельзя не отметить существенного расхождения, которое наблюдается между новым европейским миросозерцанием и старым религиозным, отдельные черты которого и до сей поры свойственны народам евразийской культуры. Новое европейское миросозерцание с эпохи ренессанса построено на исключительном утверждении прав самочинной, человеческой личности. Высшее проявление свое это настроение нашло у некоторых протестантских философов, у которых сам тварный мир, самая материя, превращены были в произведение суб'екта, в пределе своем отожествляемого с человеческой личностью *). Само собою разумеется, что такой суб'ект не мог не быть абсолютным собственником материи и вообще всего мира. «Единственный и его собственность» **) — таково было последнее слово этой философии в ее крайнем выражении. Но если и не касаться этих крайних выражений, то новому западному человечеству и вообще был широко привит взгляд, что право его господства над миром — естественно и безусловно. Если старая религиозная философия учила, что Бог есть собственник мира, а человек только его владелец, то новая философия все права собственности с Бога перенесла на человека. Как ни несовершенны были религиозные воззрения на Бога, как на мирского хозяина - собственника, но в них содержалась одна существенная мысль: именно, сознание, что присвоение мира человеком есть, в сущности, присвоение не сотворенного человеком, Божьего. Современный западный человек забыл, что он живет в мире оформляемой им и данной ему материи, он привык считать мир исключительно своим, душа его питается жаж-

*) Высшего выражения это настроение нашло у Фихте.

**) Название небез'известной книги Макса Штирнера («Der Einzige und sein Eigentum»).

дой беспредельного завладения миром и господства над ним. Он — царь природы, который имеет безусловные права властвовать и присвоять. Он — единственный, а мир — его исключительная собственность.

Восточному человеку гораздо более доступно понимание истины, что не человек сотворил мир и что потому человеку и не принадлежит право безусловного присвоения мира.

В русской философии права установлено различие между двумя родами властных отношений, — между властями хозяйскими и властями служебными *). Хозяйская власть есть власть над тем, что является только средством и что односторонне используется человеком. Таковой и является власть собственника. Служебная власть (или власть социального служения) есть власть над тем, что есть не только средство, но и цель в себе, что имеет, следовательно, особую, высшую ценность. Таковы властные отношения над людьми, в семье, в обществе, в государстве. Различие это может быть в общем удержано для характеристики отличий господства и распоряжения собственника над вещами, — с теми только оговорками, которые нами сделаны ранее. Следует иметь в виду, что 1) и хозяйская власть над вещами есть власть над данной нам, а не сотворенной нами материей; 2) процесс хозяйствования есть социальный процесс, в который входят другие люди и в качестве непосредственных деятелей хозяйства, и в качестве частей обще-хозяйственного организма. Потому и власть хозяина-собственника не может не быть известной службой или функцией. Иными словами, различие между хозяйской властью и властью служебной не может иметь характера безусловного **). В хозяйской власти дело идет не о вполне безразличных в ценностном отношении об'ектах, но только о *низших ценностях* по сравнению с теми, над которыми устанавливается власть социального служения.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что собственность есть принадлежащее физическому суб'екту право господства и распоряжения такими, встречающимися в природе в ограниченности вещами, которые в порядке ценностной иерархии являются ценностями низшими.

г) Правоотношение, связывающее собственника с другими суб'ектами права

В области общественных отношений встречаются такие связи, которые соединяют определенное количество определенных лиц, и связи, которые соединяют, всех людей данного общества в целом «всех вообще». В зависимости от этого и поведение людей может иметь строго определенное личное направление и может направляться на

*) Л. И. Петражицкий, Теория права и государства, т. I, 1909, стр. 200.

**) И «добрый хозяин» в понимании П. Н. Савицкого призван осуществлять цели общественного служения.

всех вообще и ни на кого в частности *). Так, можно быть *любезным* по отношению к кому либо; но приличным и неприличным человек может быть не только по отношению к другому человеку, но и ко всем людям. Неприличный поступок задевает не только того, на кого он был направлен, но и способен оскорбить «всякого другого», все общество в целом. Потому направление моего поведения в смысле любезности или нелюбезности всецело лежит в моих руках, но законы приличия и неприличия зависят от нравов, установленных в общественном целом. Там, где общественные связи связывают всех вообще, где они предполагают общественное целое, там можно говорить об отношениях *всеобщих* (или абсолютных); там же, где они связывают только определенных лиц, следует говорить об отношениях *частных* (или относительных). Всеобщие и частные общественные связи наблюдаются в разных областях социальной жизни и, в частности, мы можем наблюдать их и в праве. Договор между двумя людьми есть типичный пример частного (относительного) правоотношения. Типичным примером *всеобщего* (абсолютного) правоотношения является собственность. Кто приписывает себе право собственности на данное имение или иной предмет, тот считает, что *всякий другой человек,* общество в *целом,* имеет обязанность воздерживаться от того, чтобы вмешиваться в его власть над вещью. Институт собственности предполагает равным образом идею целокупности, в которой, нет членов оторванных и ушедших в себя, в которой каждый является членом некоторого идеального организма. Собственность поэтому не есть индивидуальное отношене лица к вещи или, через посредство этой вещи, к другому определенному лицу (напр., к покупщику). Собственность по существу своему есть социальное отношение. Робинзон, живущий на необитаемом острове, если он считает свое имущество собственностью, то только мысля неопределенное количество каких-то лиц, обязанных уважать его право, не вмешиваться в него, терпеть господство и распоряжение принадлежащими ему об'ектами.

Собственность есть, таким образом, социальное отношение *всеобщей* природы, — обстоятельство которое входит в сущность собственности, но далеко не всегда достигает сознания людей, даже собственностью обладающих. Уже римский правовой индивидуализм заложил основу тому воззрению, что в собственности дело идет о воле и силе единоличного человека по отношению к подлежащей его господству вещи. Римлянам было чуждо представление о собственности, установленной волей богов или силами общественных связей **). Римлянин сам был установителем (auctor) собственности, собственностью было для него то, что захватил силой человек. Приобретение собственности сводилось к взятию рукой (capere), собственность была тем, на что наложена рука (manu-capere, mancipio) сам собствен-

*) См. об этом в «Основах философии права», стр. 190.

**) R. von Ihering, Geist des romischen Rechts, 5 Aufl. 1891, I, стр. 110.

ник был тем, кто способен взять рукой (herus). На почве римских правовых представлений возникли многочисленные европейские естественно-правовые теории собственности, основой которых является идея завладевающей миром личности, договаривающейся с другими личностями по поводу захваченного ею, — и таким образом устанавливающей собственность. Над всей естественно-правовой теорией витает образ единичного, живущего в естественном состоянии индивидуума, своеобразного Робинзона, единоличное отношение которого к миру и является фундаментом собственности. Социальная сторона собственности в воззрениях этих совершенно исчезла, собственность изначала об'являлась фактом личной жизни, а потом, в качестве более или менее произвольной величины, на сцену появилось общество. Воззрения эти до сих пор еще довольно популярны в европейской философии права. Один из новейших европейских философов права, исследуя доюридические основы собственности, пришел к выводу, что в институте этом содержится некоторое «последнее, далее ни к чему ни сводимое и не разложимое на какие нибудь элементы *отношение между лицом и вещью*». «Если Робинзон» — прибавляет он — «на своем необитаемом острове производит некоторые предметы, то они являются его собственностью.... Построение отношений собственности может происходить в такой правовой пустоте.... *)». Но, как мы уже указывали, Робинзон может считать вырабатываемые им вещи собственностью только тогда, когда он мыслит существование неопределенного количества, хотя бы возможных носителей обязанностей, которые должны воздерживаться от посягательства на то, что Робинзону принадлежит. Собственность есть социальное явление не в том смысле, что оно требует действительной наличности нескольких реальных людей, а в том *более глубоком* смысле, что понятие собственности логически включает предположение некоторой социальной связи, без которой собственности вообще нельзя мыслить.

Римский индивидуализм, а также естественно-правовые воззрения на собственность всегда были чрезвычайно чужды юридическим представлениям народов России-Евразии. В частности, в русском праве само *понятие собственности* возникло не ранее XVIII века. До тех пор оно заменялось словом «владение», «вотчина». Даже в праве императорского периода не было установлено точного различия между владением и собственностью, а в народных представлениях понятия эти совершенно не различались. Замена идеи «собственности» «владением» указывает на то, что в русском праве личности не приписывалась безусловная сила присвоения. Присвояемое принадлежало не только тому, кто наложил свою руку, но принадлежало оно также Богу и государству. Существо древних русских народных воззрений на присвоение очень хорошо характеризует М. Ф. Владимирский Буданов, поль-

*) A. Reinach, Die apriorischen Grundlagen des burgerlichen Rechtes. Sonderdruck aus «Jahrbuch fur Philosophie» hrsg. v. Husserl, 1913, стр. 63.

зуясь при этом рассказом Лаврентьевской летописи об основании Печерского монастыря *). Сначала монахи, числом 12 «ископаша печору велику» и стали там жить. А когда число их умножилось и они принуждены были завладеть большим пространством земли, тогда настоятель Антоний «посла единого от братьев к Изяславу князю, река тако: княже мой, се Бог умножает братию, а местце мало, дабы ны дал гору ту, яко есть над печерою». «Пещерный человек» — говорит Владимирский Буданов — «не овладевший поверхностью земли, не нуждался в утверждении прав на свою собственность. Но коль скоро появляется она на поверхности, *тотчас приходит в соотношение с обществом,* владеющим территорией; *требуется признание права со стороны этого общества.* Князь Изяслав не был частным собственником горы над пещерой; эта гора никому не принадлежала однако, основатели монастыря не считали ее res nullius, и обратились к князю, *как представителю общественной власти*». Собственность устанавливалась, таким образом, не односторонним актом лица, но обществом. Логические последствия этих воззрений не получили строго научной формулировки, в которую были облечены на Западе, в результате тысячелетнего развития, взгляды римского права. Придать этим воззрениям научную форму выражения составляет почтенную задачу будущей нашей науки.

Теперь мы можем сделать и более полное и исчерпывающее определение понятия собственности: *собственность есть такое отношение между людьми, при котором праву собственника на господство и распоряжение над встречающимися в ограниченности и не принадлежащими к высшим ценностям предметами соответствует универсальная обязанность других людей терпеть власть собственника и не вмешиваться в ее определенные проявления.*

Гл. 3. Отрицание собственности

Последовательное и полное отрицание собственности есть явление, довольно редко встречающееся в истории человеческой мысли. Различные отрицатели собственности, обычно, отрицают не *собственность вообще,* а только известные ее формы, например, частную собственность, или собственность личную или собственность коллективную и т. д. Однако, встречаются мировоззрения, подвергающие отрицанию самую идею собственности в ее существе, — и такое отрицание исходит или из отвержения ограниченности окружающих человека вещей или же из признания, что эта ограниченность, хотя и существует, однако же, призвание наше заключается в том, чтобы

*) М. Ф. Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права, изд. V., 1903, стр. 528.

ею пренебрегать, с ней не считаться, поставить себя выше нужды и потребности. Первый путь есть путь крайнего коммунизма, второй путь — путь аскетического нестяжательства. Пути эти, обычно, смешивают, забывая, что первый учит об идеалах богатства и изобилия, второй же об идеалах нищеты и бедности. Если оба пути и приходят к отрицанию собственности, то исходя из совершенно разных предпосылок и приходя к совершенно различным выводам на правильную и праведную человеческую жизнь.

В основе коммунизма новейшего западного типа лежит проповедь наслаждения и материального благополучия в этом мире. Один из первых новых коммунистов, Томас Мор, учил, что существует три основных правила человеческого поведения: 1) любовь к Богу, соединенная с благодарностью, что Он дал нам блаженную жизнь; 2) стремление к наиболее беззаботной и наполненной радостью жизни; 3) стремление доставить такую жизнь другим людям. Последующие коммунисты первую норму совсем упразднили — и остались две вторые, которые и составляют до сей поры нравственную основу большинства коммунистических и социалистических учений: — стремление к беззаботной жизни и к наслаждению. Основным условием материально блаженной и предающейся наслаждениям жизни является наличность материальных благ, материальное богатство, поэтому современный коммунизм и социализм и суть учения о богатстве. Но наслаждаться богатством можно и тогда, когда оно находится в личной собственности, и когда оно находится в собственности общей. Почему же тогда отрицать собственность, стремиться к ее упразднению? Крайние коммунисты отрицают собственность потому, что считают возможным существование безграничного богатства и безконечного количества благ. Так думал, например, Томас Мор, описывая экономическое состояние своей «Утопии». Обилие вещей в изображаемом им государстве доведено до такой степени, что идея собственности никого уже более не интересует. Описывая склад всевозможных вещей и продуктов, Мор говорит *): «Туда в известные здания привозятся продукты труда отдельных семей и складываются там, так что продукты одного рода лежат в одном помещении. Оттуда каждый отец семейства или старейшина хозяйства берет все, что нужно ему и домашним, не уплачивая за это денег и, *вообще без всякого эквивалента с своей стороны.* Да и почему ему могли отказать в чем нибудь? *Все вещи имеются в избытке,* и нет никакого основания опасаться, что кто нибудь потребует больше, чем ему нужно. Почему можно было бы предположить, что кто нибудь потребует больше, чем нужно для удовлетворения его потребностей, *когда каждый уверен, что ему никогда не придется терпеть нужду?*» Социалисты и коммунисты различных школ придерживались различных воззрений на вопрос достижения этой безграничности материаль-

*) Цитирую по книге К а у т с к о г о, Из истории общественных течений, СПБ. 1906, т. II., стр. 21.

ных благ. Некоторые предполагают, что уже при современных хозяйственных условиях материальные блага, если еще и не достигают безграничного количества, то во всяком случае их вполне достаточно, чтобы с избытком удовлетворить всех. Современная нищета, по их мнению, происходит не от материальной скудости, но от несправедливого, несовершенного распределения наличных богатств. Стоит, следовательно, уничтожить частную собственность и произвести всеобщий раздел имущества, — и все станут жить в полном материальном изобилии. Эти взгляды разделялись до последнего времени многими социалистами, — трудно сказать, по искреннему заблуждению, или по преступному легкомыслию, или просто по злостной провокации. Учение о пределе неограниченного богатства входило в «катехизис» социалистической теории, привлекая к социалистам многих любителей чужого добра и легкой наживы. «Неужели вы думаете» — читаем мы в изданном в 1906 г. партией с.-р. «Социалистическом катехизисе» *) — «неужели вы думаете, что все количество производимого богатства было бы достаточно, чтобы создать приличный комфорт для всех, *если бы даже все было поделено поровну?* Допустим, что резкие крайности — страшная нищета и безумная роскошь нашего времени — исчезнут. Не явится ли в результате неподвижный, застывший уровень серого среднего существования для всех — в роде положения современного ремесленника или приказчика?...» И вот какой изумительный ответ дается на этот вопрос: «*Ни в коем случае! Даже при настоящих условиях, общее количество производимого богатства — если бы его поделить поровну — доходит до 2.000 рублей в год на каждую семью,* а это далеко выше положения ремесленника или приказчика. Но предполагать, что социализм имеет в виду только равный дележ, значит не понимать сущности социализма. Социализм добивается полной реорганизации как респределения, так и производства. При научно и общественно построенном *производстве производительность труда упятерится (!),* соответственно этому увеличится и общая сумма богатства». Нет ничего удивительного, что охотников получить путем раздела доход сначала в 2.000 рублей, а потом и в 10.000 руб. было не мало. И нужно было пожертвовать миллионами жизней, чтобы убедиться, что раздел чужого добра на самом деле дает очень мало. «Опыт пролетарских революций» — меланхолично заявляет *В. Чернов* — «вспыхнувших после войны, прежде всего показал, что, *на поверке опытом,* современное человечество вовсе не столь богато, как то казалось многим на *первый взгляд*» **). Оказывается,

*) Бельфор Бакери Г. Квелч, Социалистический катехизис, Москва, 1906, стр. 25.

**) Цитата заимствована из новейшей книги названного автора «Конструктивный социализм». Свое разочарование в тактике передела В. Чернов основывает на любопытной книге одного из участников коммунистического опыта в Венгрии, — E. Varga, Die wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Diktatur, Wien, 1921.

что никакого безграничного изобилия благ не существует, что блага накопленные буржуазией, отнюдь не годятся для рабочих, что раздел отнюдь не решает проблемы бедности. Таким образом, у некоторых современных социалистов производство неограниченного количества благ перекладывается всецело на будущее. Если в настоящий момент благ не достаточно, то социалистическое хозяйство должно довести производство до планетарных размеров и тем самым уничтожить необходимость собственности. То, что раньше считали уже достаточным, — ныне считают только достижимым, — в чем тоже есть большая доля и наивного заблуждения, и недопустимого легкомыслия, и сознательного обмана. Нет спора, что огромное напряжение организованного человеческого труда может сильно повысить количество благ, но все же *последнее всегда ограничено,* и на добывание его тратится бесконечное количество человеческой борьбы, пота и крови. Мы живем, в общем, в мире бедности, а не в мире богатства *). Всякое напряжение повышает количество продуктов, но в тоже время истощает естественные богатства. Процесс производства есть процесс суровой борьбы за существование, в результате которой достижима относительная стабилизация благополучия, но ни в коем случае не возможно полное освобождение от жизненной нужды. Мир, в котором царствует полное изобилие, — мир молочных рек и кисельных берегов, — есть наивная сказка. И к миру сказок нужно отнести социальный порядок, в котором всего так много, что не нужно уже никакой собственности, — ни индивидуальной, ни общей.

Сказанное содержит и некоторое оправдание того института, который называется собственностью. Собственность не есть логически необходимое понятие, какая-либо «категория» права. Собственность есть удел мира, который построен на лишении и в котором нет абсолютной полноты благ. Такой мир не может жить без собственности, если только он не поставит себя в отношение полного безразличия к благам, не станет на путь отрешенной аскезы.

Мы подходим к характеристике второго пути отрицания собственности, — пути аскетического нестяжательства, который часто смешивается с коммунизмом в современном понимании, хотя между ними очень мало общего. Коммунизм есть учение о богатстве, как мы это говорили, а нестяжательное отрицание собственности есть учение о бедности, как высшем человеческом идеале. Собственность всегда обнаруживает приверженность к земным вещам, любовь к ним, ценение их. И кто хочет отрешиться от такого ценения земного, тот последовательно должен ничего не считать своим. Можно с известным правом говорить, что такое отношение к миру считает все общим, однако, обобществление исходит в данном случае из обнаружения полного ничтожества каких либо земных привязанностей. С та-

*) Понимая это не в узко-экономическом, а в чисто философском смысле: мы живем в мире, где царствует закон энтропии, где запасы полезной для нас энергии рассеиваются невозвратимо.

кой точки зрения ограниченность окружающих нас вещей вовсе не оправдывает стремления к обладанию и к захвату. И в то же время последовательный отказ от материального мира умеряет стремление к излишней трате труда в целях производства и обработки материальных вещей.

Аскетический идеал безразлично относится к началу организованного человеческого труда, направленного на обработку вещей в целях их присвоения. Таков смысл известной нормы, не сеять, не собирать в житницы, жить, как птицы небесные. Ошибочно думать, что это есть идеал лености: истиная аскеза требует самой напряженной работы, но работа направлена внутрь, на овладение духовным миром, на духовную дисциплину и духовный опыт, а не на производство материальных благ. Аскетический идеал, как мы сказали, есть не идеал богатства, но идеал материальной нищеты. Идеалы аскетического нестяжательства не раз получали действительное воплощение в мире.. Идеология нестяжательства родилась, сколько нам известно, в Индии, где и нашла свои первые воплощения. Не без ее влияния родились религиозные общины еврейской секты ессеев, которых принято называть первыми коммунистическими обществами. Филон рассказывает про ессеев, что они не собирали ни золота, ни серебра, не стремились из страсти к приобретению завладевать землей, но производили только то, что необходимо было для самого скудного удовлетворения потребностей. Ни один член общины не владел собственностью и все жили в полной общности имущества *). Высшего и пожалуй, самого реальнейшего воплощения своего этот аскетический коммунизм достиг в жизни наших восточных христианских монастырей. «Истинное монашество» — говорит проф. Голубинский **). — «есть строгое и безусловное общежитие — *совершенное отсутствие всякой собственности*, одна и та же со всеми положенная уставом пища в общей трапезе, одна и та же со всеми из монастырской казны одежда, один и тот же со всеми, и оттуда же, весь домашний обиход». Феодор Студита считал, что ничто так не споспешествует единению, как равенство и общность во всем, и он установил в монастырском своем уставе полную общность имущества, включая одежды. И сам Феодор, как писал его биограф, не имел у себя ничего своего собственного; в общем одеждохранилище полагал он свой изношенный хитон и брал другой, какой случайно попадется, и наиболее выбирал самый худой, дабы и в сем был образом смирения для тех, которые были под его властью ***).

Идеалы восточного нестяжательства нашли широкое распрост-

---

*) См. у A. Bertholet, Biblische Theologie des Alten Testaments, 1911, стр. 313.

**) Проф. Голубинский, История русской церкви, т. I, М., 1881, стр. 500.

***) Цит. у Голубинского, стр. 503-4.

ранение в жизни русского монашества. И у наиболее замечательных представителей этого направления у нас в России идеалы эти были истолкованы вовсе не в смысле общности имущества и коммунизма, но в смысле воздержания от стремления к приобретению и богатству. Примечательно, что один из русских основоположников учения о нестяжательстве, Нил Сорский, во главу угла социально-экономической программы иночества, поставил норму: «не делая бо, да не ест» *). Но он учил, что всякий труд похвален в интересах общих и «упорен» в интересах частных, личных. В то же время труд должен быть применяем не для производства излишнего, но только необходимого. «Излишних не подобает нам имети». Решительно был он против стяжания, «иже по насилию от чужих трудов собираема», т. е. против «прибавочной стоимости», нетрудового дохода. Однако, и собственный труд не должен быть применяем для производства предметов роскоши. Иноческая жизнь должна быть окружена вещами «немногоценными» и «неукрашенными». Даже храмы Господни не следует украшать, особенно серебром и золотом. «Инокам не подобает сребра стяжание имети».

Аскетическому идеалу нестяжательства иногда делают упреки, что он, хотя и нашел жизненные воплощения, однако, неспособен был об'единить значительные массы людей, не мог, следовательно, оказать влияния на общество в целом и не способен был произвести широкую общественную реформу **). Но ведь это и не было задачей идеала нестяжательства. Его основные цели сводились к личному совершенствованию, а не к общественному переустройству. Однако, нужно помнить, — и особенно в наше время, которое живет почти исключительно идеалами стяжательства — нужно помнить, что нормальный общественный порядок не может быть установлен до тех пор, пока люди не познают ценности идеалов умеренности и нестяжания. Здесь и открывается положительный смысл аскетического отрицания собственности, который не лишне было бы напомнить многим современным поклонникам этого института.

Гл. 4. Виды собственности

Последовательное отрицание института собственности, как мы уже сказали, есть явление довольно редкое. Большинство современных коммунистических и социалистических учений отрицают не собственность вообще, но только некоторые виды собственности, стремясь заменить эти виды другими. Причем, по вопросу о том, *что*

*) Нил Сорский, Предание и устав. «Памятники древней письменности», т. 179, СПБ., 1912, стр. 7.

**) Напр., G. Adler, Geschichte des Sozialismus und Kommunismus, Lpz., 1923, 3 Aufl. стр. 67.

отрицается и что предлагается взамен, — по этому кардинальному вопросу у современных коммунистов и социалистов царствует полная путаница понятий. Можно даже с некоторым правом утверждать, что вся проблема новейшего социализма в корнях своих и в своих основаниях покоится на этой путанице, — и, если бы ее не было, если бы современные реформаторы точно уяснили бы, чего же они хотят, тогда и самая проблема социализма потеряла бы всякую заманчивость и никого не стала бы прельщать. Об'яснение такой неясности правовых понятий, на которых покоится социализм, нужно искать не только в том, что социалисты пренебрегали до сей поры наукой о праве *). Надо признать, что и в самой современной юриспруденции вопрос о видах собственности не является вполне разработанным. Современная наука о праве тщательно изучила природу и содержание существующих в действующем праве видов собственности, но она, по большей части, игнорирует вопрос о типах собственности возможных, становящихся и будущих. Оттого современный социалист напрасно рылся бы в учебниках действующего гражданского права по вопросу о социалистической собственности: нужного ему он здесь не нашел бы, если бы даже и имел более уважения к науке о праве, чем это свойственно большинству социалистов.

Для уяснения критики современных установлений собственности и для понимания проэктов преобразования современных институтов необходимо тщательно продумать учение о видах собственности и построить возможно полную их классификацию. Подобная классификация должна исходить из некоторых общих начал, — и эти начала даны были уже нами в вышеизложенном учении об основных категориях права (см. выше, гл. 2). Виды собственности следует различать, сообразно этим категориям, 1) по суб'ектам; 2) по об'ектам; 3) по содержанию действий, связывающих суб'ект с об'ектом; 4) по характеру правоотношений, в которых собственник стоит с другими членами общественного целого.

а) Различия по суб'ектам

Существеннейшее значение для классификации видов собственности имеет вопрос о том, *кому* она принадлежит: суб'екту ли единоличному (физическому лицу) или многоличному, коллективному (напр., семье, роду, товариществу, кооперативу и т. д.). В зависимости от этого собственность может быть *личной* или *общей* (коллективной). Личную собственность обычно смешивают с собственностью *частной,* между тем их следует строго различать. Частной соб-

*) Из всех новейших социалистических писателей правовой стороны социализма касался разве только один А. Менгер в его довольно легкомысленно написанной книге «Новое учение о государстве» и в более ценной работе «Право на полный продукт труда». Из более старых писателей к правовому разсмотрению социализма более других был склонен Лассаль.

ственностью может быть не только собственность, принадлежащая одному физическому лицу, но и собственность, принадлежащая коллективам, следовательно, общая собственность. В современной жизни капиталистических обществ личная собственность есть вовсе не преобладающий институт. Собственность принадлежит ныне торговым и промышленным компаниям, товариществам и акционерным обществам. Члены акционерных обществ, владельцы акций, очень часто даже не знают, где находится об'ект их собственности. Ведь акционерное общество есть *частный* собственник, однако же, не собственник *личный*, а собственник коллективный. Мы увидим впоследствии, что неразличение собственности личной и коллективной и смешение личной собственности с собственностью частной составляет основание для многих недоразумений, в которые впадают и защитники современного строя и его противники. Будь этот вопрос выяснен, не было бы многих споров между сторонниками буржуазного хозяйства и хозяйства социалистического.

Если, в зависимости от суб'екта, собственность может быть личной и общей, то необходимо, в свою очередь различать два вида общей собственности в зависимости от того, *какого рода коллектив является собственником.* Суб'ектом собственности может быть *коллектив организованный,* составляющий некоторое социальное единство, в котором есть свой постоянный состав, свои органы, свой порядок управления и распоряжения. Такой организованный коллектив, подобно физическому лицу, является отдельным суб'ектом, права и обязанности которого не исчерпываются правами и обязанностями отдельных его членов. Таковым является, например, какое либо учреждение (университет) или общество (акционерная компания). Член учреждения или общества не считается собственником принадлежащего ему имущества (профессор или студент не суть собственники университетского здания). Собственность здесь принадлежит учреждению или обществу, как целому. Мы имеем здесь дело с *одним* коллективным суб'ектом права (с юридическим лицом, как говорят юристы) и с одним об'ектом права (домом, угольными копями, фабрикой и т. п.). Распоряжение об'ектом устанавливается на основе известного порядка (устава). В той или иной степени распоряжение это может зависеть от коллективной воли, нашедшей выражение в договоре об образовании общества или в статуте корпорации и осуществляемой посредством особых органов (общее собрание пайщиков, совет, правление, президиум и т. д.).

Но суб'ектом общей собственности может быть *коллектив неорганизованный*, напр., несколько лиц, получивших в наследство имение или совместно купивших дом. В таком случае перед нами тот вид собственности, которую называют *сособственностью* или общей собственностью в узком смысле этого слова *). Сособственность пред-

*) Законодательство Российской Империи устанавливало понятие собственности в ст. 543 первой части X тома Свода Законов.

полагает наличность одного об'екта права и нескольких его суб'ектов. Сособственность может существовать, пока существует согласие сособственников совместно обладать вещью. Обычно, такое обладание довольно стеснительно, поэтому в современной хозяйственной жизни сособственность и не принадлежит к числу отношений, обладающих устойчивой природой. Участники сособственности всегда могут требовать раздела, и такому разделу нет принципиальных препятствий, так как каждый сособственник волен распоряжаться принадлежащей ему долей. Очень запутан вопрос, что является об'ектом права каждого из сособственников. «Каждый из них имеет право не на всю вещь, но на известную долю, и в то же время его право распространяется не на часть вещи, а проникает всюду, — в каждой материальной части он имеет свою долю» *).

Различие сособственности от собственности принадлежащей некоторому коллективу, как целому, имеет принципиальное значение для проблем, связанных с коммунизмом и социализмом. Чего хотят, собственно говоря, социалистические реформаторы, — сособственности на орудия производства и другие вещи или собственности коллектива (напр. государства)? Мы увидим, что этот кардинальный вопрос в теории и практике коммунизма и социализма не приведен в полную ясность, чем обусловлена смутность и самих, предлагаемых коммунистами и социалистами, социальных преобразований.

б) Различия по об'ектам

Деление видов собственности по об'ектам восходит к самым древним юридическим представлениям. Таково, прежде всего, различие собственности на движимые вещи и на вещи недвижимые. Там, где, как мы увидим впоследствии, (в след. пункте), преобладают воззрения на собственность, как на абстрактный институт, там деление это не приобретает принципиального характера. распространение же воззрений на собственность, как на институт конкретный, связано с установлением принципиальных различий на виды собственности в зависимости от ее об'ектов. В пределе своем, воззрение это устанавливает столько видов собственности, сколько имеется различий в об'ектах, — и каждому виду соответствует особое содержание прав и обязанностей, вытекающих из института собственности. Получается, строго говоря, не одна собственность, а несколько *собственностей,* как различных установлений **). Принципиальное значение такое деление приобретает в национальных представлениях германского гражданского права которое и после рецепции римского

*) Ср. Г. Ф. Шершеневич, Учебник русского гражданского права, 1909, стр. 305.

**) Ср. В. И. Синайский, Русское гражданское право. Изд. Русск. Юр.Фак. в Праге, стр. 19: «в конкретных условиях жизни нет единого понятия права собственности ни в прошлом, ни в настоящем».

права, все построено на утверждении особого положения движимостей и недвижимостей *). Такое же деление не чуждо и русскому праву. Особое значение оно приобретает в современном советском праве, в котором нет единой собственности, но ряд собственностей в зависимости от тех или иных об'ектов **). Следует иметь в виду, что принятое в современной юриспруденции деление собственности по ее об'ектам вытекает из интересов юридической практики и часто лишено бывает значения теоретического. Поэтому им далеко не всегда можно воспользоваться в тех исследованиях, которые имеют в виду не столько практические цели юриста, сколько цели теоретика и политика права. С точки зрения положения института собственности в современном социальном движении важно выдвинуть следующие виды собственности по ее об'ектам: 1) собственность на землю; 2) собственность на орудия производства; 3) собственность на потребляемые вещи ***). По отношению к этим видам собственности и различаются основные типы современных социалистических теорий: коммунизм хочет «обобществления» всех названных видов собственности, социалисты удовлетворяются «обобществлением» земли и орудий производства, наконец, некоторые более умеренные социальные реформаторы требуют «национализации» или «социализации» земли.

в) Различие по содержанию

По содержанию тех действий, к которым управомочиваются собственники, собственность может быть или отношением абстрактным или же отношением конкретным. Понятие о собственности, как абстрактном отношении, более всего свойственно римскому праву и послереволюционному французскому праву. Абстрактный взгляд на собственность представляет одинаковым всякое отношение собственности, независимо от того, каковы его суб'екты. Право господства и распоряжения потребляемыми вещами, например, имеет такое же содержание, как и право собственника на господство и распоряжение землею. Совокупность этих прав может быть выражена в одной отвлеченной формуле, которой может пользоваться каждый собственник, независимо от того, чем он владеет, как владеет и на каком основании владеет. Напротив, германские национальные представления считают собственность конкретным отношением, которое может приобретать иное содержание в зависимости от различных об'ектов. По германским представлениям существуют «степени» прав и обязанностей

*) См. B. G. B. § § 903-904; 905-924; также Швейцарское Уложение, ст. 655 и 713. В нашей литературе на принципиальном значении этого деления настаивал покойный Л. А. Кассо. Ср. Синайский, L. c., стр. 5.

**) На что правильно указывал в своих прочитанных в Берлине и Праге, докладах Н. С. Тимашев.

***) На значение этого деления для проблем социализма справедливо указывается в интересной книге: L. Mises, Die Gemeinwirtschaft, Iena, 1922, стр. 14 и слѣд.

собственника в зависимости от того, владеет ли он землею ,домом или движимыми вещами *). Взгляд на собственность, как на конкретное отношение, свойственен также и русскому праву — и в законодательстве империи и особенно в народных представлениях **).

С точки зрения социально-политической нужно подчеркнуть, что абстрактное понятие собственности более всего свойственно тому социальному порядку, который не знает ограничений собственности и который построен на полной свободе оборота, след., буржуазному хозяйству в его чистом виде. Всякие попытки частичной социализации общества необходимо требуют установления особых ограничений для отдельных видов собственности, следовательно, имеют последствием своим превращение воззрений на собственность, как на абстрактный институт, в воззрения на нее, как на институт конкретный.

г) Различие по характеру правоотношений

Наконец, в зависимости от *характера правоотношений* между собственниками и другими членами общества, следует различать безусловную (абсолютную) собственность от собственности ограниченной (относительной или функциональной). Идея безусловной собственности родилась преимущественно на римской почве, усвоена была народами романской культуры ***) и в значительной степени чужда и германцам и славянам и народам восточных культур****). Она предполагает, что власть собственника над вещью совершенно безгранична и является выражением между лицом и вещью. Таким образом, право собственности есть исключительное право господства над вещью, которое, так сказать, насквозь пропитывает вещь и исключает возможность оказания на нее какого либо постороннего влияния. Подобному праву собственника соответствует столь же безусловная обязанность всякого третьего лица, будь то лицо частное или будь то лицо публичное, терпеть всевозможные действия собственника на свою вещь и воздерживаться от всякого вмешательства во власть собственника. Безусловность власти собственника может быть ограничена только в том случае, когда пользование вещью нарушает интересы других собственников. В таком случае собственник должен уже поступиться своими неограниченными правами, отступающими перед столь же неограниченными правами другого собственника. Границей соб-

*) Ср. O. Gierke, Deutsches Privatrecht, 1905, стр. 356-60.

**) Ср. С. В. Пахман, цитир. соч. стр. 14 и след.

***) Римская собственность знала некоторые ограничения, но учение абсолютной, неограниченной собственности культивируется преимущественно романистами. Ср. Windscheid-Kipp, Lehrbuch des Pandektenrechts, 1906, Bd. I, стр. 857. Для романских представлений о собственности характерна ст. 544 Code civil.

****) Ср. Gierke, цит. соч.—Владимирский-Буданов цит. соч., стр. 531-33. — Пахман, цит. соч., стр. 7 Следут указать, тто большинство наших русских цивилистов отрицало безусловность собственности.

ственности может быть только другая собственность, иными словами, ограничения собственности могут быть установлены только в целях ее утверждения.

В противоположность абсолютной собственности относительную собственность можно определить, как наиболее обширное или наименее ограниченное право на вещь *); или как такое вещное право, которое об'ектом господства имеет вещь в целом, применяясь, однако, к различным свойствам вещей и изменяя характер господства в зависимости от этих свойств **). Германисты считают, что такое относительное понятие собственности свойственно древним правовым представлениям германского народа.. По германским представлениям собственность есть не исключительное право господства над вещью, но одно из вещных прав, существующее рядом с другими вещными правами. Оно шире других вещных прав, которые составляют как бы отдельные моменты собственности (напр., право залога, сервитута и т. п.). Относительная собственность включает в себя идею границы и потому выносит различные ограничения. И прежде всего оно включает момент публично-правовой ограниченности, т. е. предполагает целый ряд социальных обязанностей, которые лежат на собственнике и его связывают. Подобному праву отнюдь не соответствует безусловная всеобщая обязанность терпеть любые действия собственника. Напротив, в случае явного злоупотребления своим правом, наносящим вред общественному целому, или в случае неисполнения лежащих на собственнике обязанностей, государство может вмешиваться в права собственника, может ограничить его свободу и даже лишить его права.

Выражая отличие между абсолютной и относительной собственностью в других понятиях, можно сказать, что первая представляет одностороннюю связь прав и обязанностей, вторая же — связь двустороннюю. В абсолютной собственности с одной стороны — права собственника, с другой стороны — обязанности других лиц. В относительной же собственности на собственнике, помимо его права, могут лежать и обязанности, а другие лица обременены не только обязанностями, но и наделены правами. Это обстоятельство придает в относительной собственности обязанностям, лежащим на других лицах, не только отрицательный, но и положительный характер: существуют не только обязанности, *терпеть и не вмешиваться,* но возможно существование и положительной обязанности влияния на собственника в определенном направлении. Возможность такого влияния и создает ограниченный характер прав собственника.

*) Синайский, цит. соч. стр. 16.
**) Определение Гирке.

Гл. 5. О частной собственности и о видах социализации

До сих пор мы еще не имели случая говорить о *частной собственности*, между тем спор о ней составляет едва ли не главное содержание социального вопроса в его современной постановке. Частная собственность, как мы могли убедиться, не входит ни в один из перечисленных видов собственности. Неправильно было бы ее смешивать с собственностью индивидуальной, (или личной), как это обычно делают, так как индивидуальный собственник (например, патримониальный монарх, как это показано), не является собственником частным. Кроме того мы уже говорили, что и коллективная собственность может быть также частной. Равным образом, частная собственность может быть абсолютной и ограниченной, абстрактной и конкретной. Словом, все виды собственности могут быть собственностью в вышеразобранном смысле этого слова. Частная собственность не противопоставляется ни одному из этих видов, не является их реальной противоположностью.

Но все таки существует понятие, которое может считаться логическим противовесом частной собственности и которое может быть последней противопоставлено. Понятию «частый» противопоставляется понятие «публичный», а потому «публичная собственность» и является противоположением собственности «частной». Что же такое эта «публичная собственность»? Есть ли она «вид» собственности в вышеуказанном смысле этого слова, или она, в свою очередь, может совпадать с различными видами собственности, как и собственность частная? На первый взгляд кажется, что понятие публичной собственности совпадает с понятием собственности общей. Однако, собственность многих коллективов (так называемых, частных обществ) не называется *публичной* по одному тому, что она принадлежит коллективу. Равным образом и личная собственность может иметь публичный характер, несмотря на то, что она личная, — например, земельная собственность феодальнаго владельца, которой всегда свойственны и публичныя функции. Таким образом противопоставление: «публичный — частный» отнюдь не совпадает с противопоставлением: «общий — личный». Противопоставление это имеет иной смысл, существо которого можно понять, если точно выразить значение понятия «публичности». Публичной собственностью мы называем такую, которая прежде всего принадлежит суб'екту, имеющему не частный, а публичный характер; а характер этот присваивается таким суб'ектам, которые возвышаются над другими суб'ектами, им подчиненными: таково, например, государство, земство, церковь, если она наделена правами публичной власти. Понятие «публичный» указывает на существование некоторого высшего порядка, который в некотором смысле стоит «над» порядком низшим, ча-

стным. Идея публичности имеет всегда *иерархический* смысл, разумеет существование общественных порядков, возвышающихся один над другим. Публичная собственность и есть собственность, входящая в иерархически высший порядок. И к такому порядку могут принадлежать разные виды собственности. Публичная собственность может быть личной, как например, собственность феодального владельца, являющегося индивидуальным собственником иерархически стоящим *над* своими вассалами; но она может быть общей т. е. принадлежать какому нибудь социальному целому, построенному иерархически, напр., государству.

Из вышеизложенного вытекают и другие особенности, отличающие частную собственность от публичной: 1) Об'ект публичной собственности в том или ином значении приспособлен к общему пользованию, в то время как, об'ект частной собственности служит для удовлетворения личных или групповых, обособленных интересов. 2) Господство и распоряжение публичной собственностью имеет характер «социального служения» т. е. совершается во имя каких-то высших целей и ценностей; господство же над предметами частной собственности имеет характер применения в порядке хозяйском. 3) Публичные собственники стоят друг к другу в отношениях «междувластных», а по отношению к частным собственникам являются властвующими; частные собственники по отношению друг к другу являются «свободными и равными» (в правовом смысле этого слова); по отношению же к публичным собственникам являются подчиненными.

Таким образом, понятие частной собственности создано для выражения некоторого особого отношения, в котором могут стоять различные виды собственности к организованному обществу или государству. Существование частной собственности указывает на существование такого общественного порядка, в котором имеется некоторая принудительная централизованная сфера жизни и наряду с ней другая, децентрализованная сфера, основанная на хозяйственном самоопредлении различных индивидуальных или коллективных правовых суб'ектов, владеющих отдельно или сообща, абсолютно или относительно, различными правовыми об'ектами. Существование частной собственности указывает, иными словами, на многоярусность (или многоэтажность) общественного порядка: на свободную область распоряжения вещами, принадлежащими многим самостоятельным суб'ектам (гражданское общество) и на возвышающийся над ней, господствующий над ней, управляемый из одного центра или из многих, иерархически подчиненных друг другу центров, особо организованный аппарат (аппарат публичной власти, упирающийся в государство, как свою вершину). Частная собственность и есть название, созданное для юридического определения нижнего яруса этой постройки по отношению к верхним. Там, где такой нижний ярус существует, там существует и частная собственность в различных ее видах; там, где он отсутствует, там нет и частной собственности, — что, впрочем отнюдь

не говорит, что в подобном общественном устройстве вообще нет никакой иной собственности, индивидуальной, коллективной, абстрактной, конкретной и т. п.

Отрицание частной собственности равносильно, следовательно, отрицанию названной многоярусности общественного здания, — отрицанию права свободного распоряжения различными об'ектами со стороны различных, обладающих правом свободного самоопределения суб'ектов. При общественном строе, покоящемся на частной собственности, имеется неограниченное количество суб'ектов права собственности и столь же неограниченное количество об'ектов этого права. И сверх того имеется еще общественное целое, стоящее *над* этими суб'ектами и об'ектами. Уничтожение порядка частной собственности означает, что прежде всего уничтожается это неограниченное количество суб'ектов. Остается, следовательно, общественное целое, к которому и переходит право распоряжения об'ектами и которое становится суб'ектом права собственности. Уничтожается, следовательно, деление на гражданское общество и иерархически возвышающийся над ним порядок организованных общественных отношений. Устраняется принципиальная многоярусность общественного здания, существование различных порядков, — частного и публичного *). Это и есть коммунизация или социализация общества, понимаемая, как принцип. Многие современные социальные преобразователи, особенно умеренного типа, — все те, у кого социализм теряет свою заостренность, приобретает характер расплывчатый, сближается с либерализмом и т. п., — понимают под социализацией нечто совсем иное. Однако, их социализм есть социализм упадочный, дегенеративный, примиренческий. Мы говорим здесь о принципиальном и последовательном социализме, который всегда есть отрицание частной собственности, следовательно, равносилен отрицанию многоярусности общественного порядка. О таком социализме, вернее коммунизме, и учил Маркс, считая, что с его введением в жизнь наступит истинное освобождение человека. «Политическая эмансипация» — говорил он — «есть сведение человека с одной стороны, к члену гражданского общества, к эгоистическому индивидууму, с другой стороны, — к государственному гражданину, к моральной личности. Лишь тогда, когда действительный индидидуальный человек воспринял обратно в себя отвлеченного человека и когда в качестве индивидуального человека в своей эмпирической жизни в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях он стал родовым существом, лишь тогда, когда свои forces propres он познал и организовал, как силы общественные, и потому уже не отделяет от себя общественной силы в виде политической силы, тогда только совершится человеческая эмансипация» **).

---

*) Подробнее об этом в вып. III моей «Общей теории государства».
**) К. Маркс. Aus dem literarischen Nachlass, I, стр. 424.

Но что самое замечательное, — такая последовательная коммунизация или социализация общества отнюдь не предполагает отрицания понятия собственности вообще. Уничтожается порядок частной собственности, но собственность в тех или иных ее видах остается. Было уже упомянуто, что принципиальное отрицание собственности есть явление довольно редкое (ср. гл. 3), коммунизм же и социализм обычно стремятся только к устранению порядка частной собственности, а не к отрицанию идей собственности вообще. Оттого коммунизация или социализация общества необходимо связана с воспроизведением тех или иных основных видов собственности, о которых было сказано выше: коммунизированное общество становится или единым индивидуальным собственником, или собственником коллективным, или, наконец, сособственником всех или большинства экономических благ. И это не суть простые измышленные предположения: это суть основные, исходящие из логики вещей и отношений, *необходимые типы* социализации. Из них некоторые получили реальное историческое воплощение, другие остаются идеальными типами, лежащими в основе социальных программ известных политических партий, стремящихся к их реальному воплощению в будущем.

История знает пример такого строя, где на место многих частных собственников стало единое физическое лицо, единый хозяин, единый владыка. Строй этот прекрасно описан М. И. Ростовцевым в его исследованиях, посвященных Египту.*). «Весь Египет» — говорит М. И. Ростовцев — «был одним большим земледельческим хозяйством, и *как таковой он должен был иметь одного хозяина.* Хозяин этот должен был обладать неограниченной властью, правом распоряжаться трудом, руководить его хозяйственной жизнью. Чем больше хозяев, тем меньше порядка, тем меньше богатства. Поэтому периоды об'единения были для Египта периодами процветания, периоды раз'единения — эпоха упадка и бедности. Поэтому и создалась в Египте система абсолютической, бюрократической монархии, действовавшей по своему желанию, по своему праву хозяина». «Обычный египтянин был мужик земледелец, занимавшийся ремеслом только подсобно. Его специальностью была земля. Владел ли он ею? И да, и нет. Каждая деревня имела определенную территорию и определенное приписанное к ней население. Эта территория обрабатывалась населением данной деревни, и притом и не коллективно, и не индивидуально. Каждый год чиновники производили перемер земли, разбивали землю на категории, назначали, чем она должна быть засеяна, указывали, какая часть продукта должна быть уплачена государству, и после этого отдавали участки земли отдельным мужикам деревни в форме годовой аренды или аренды на один сезон. *Земля, таким образом, не принадлежала отдельному лицу, ни у кого не было своего, постоянного участка, но она и не была общинной. Собственником ее был царь».*

*) «Современные Записки», кн., стр. 265 и след.

«Вряд ли личным имуществом мужика был его скот, особенно рабочий скот: быки и коровы. Весь этот скот находился на учете, *назывался царским скотом* и распределялся между участками земли и их держателями соответственно нужде». При таком типе социализации устанавливалась, следовательно, личная собственность единого хозяина-владыки на всю совокупность общественных благ. Не устранялась ли таким образом собственность вообще? Если взирать на внутренние отношения такого единого общества-хозяйства, то, конечно, устранялась: общество состояло не из собственников, но из временных владельцев, пользователей. Но если взирать на подобное общество извне, со стороны «между-общественной» (или «международной»), то идея собственности не может не встать перед вами во всей своей полноте: царь-хозяин выступал перед другими государствами, перед другими царями-хозяевами, именно, *как собственник* своей земли со всем, что к ней принадлежало. Собственность эта была необходимо абсолютной, поскольку общество оставалось независимым, поскольку царь не становился вассалом. Собственность эту можно назвать абстрактной до тех пор, пока царь-хозяин одинаково распоряжался всеми об'ектами, пока не было различных видов собственности по об'ектам и пока пользователи не имели никаких юридических отличий. Однако, при выделении некоторых особых видов, скажем, привилигированных владельцев (напр., долгосрочных, пожизненных), особенно при зарождении некоторых зачатков феодализма, собственность эта могла превратиться в конкретную, т. е. у царя-собственника могли установиться некоторые способы распоряжения отдельными видами вещей и различные отношения к отдельным видам владельцев.

Описанный тип социализации всецело принадлежит истории и менее всего соответствует стремлениям новейших социальных движений. Новейший социализм и коммунизм стремится к уничтожению или радикальному изменению порядка частной собственности и к замене его общественным порядком *на основе собственности общей или коллективной.* Коммунизм и социализм можно назвать проэктами общественного строя, хозяйствующего на базе не индивидуальной, а коллективной собственности. Следует только поставить вопрос, о каком же «коллективе» здесь идет речь? Рассмотрение этого вопроса приводит нас к установлению следующих, *основных и чистых типов* социализации, существо которых, как мы убедимся, далеко не уяснено современной практикой социализма и программами современных социалистических партий.

А. Суб'ектом права собственности социализованного общества является коллектив организованный. (см. выше, предшествующая глава)

Он может быть мыслим: *а).* Как *государство в его целом, независимо от фбрмы правления.*

Мы имеем в таком случае дело с чистым типом государ-

ственного социализма. При таком социальном порядке уничтожается всякая частная собственность (или с экономической стороны частный капитал). Все общественные блага переходят в собственноть того общественного целого, которое именуется государством. Государство, как единое общее хозяйство, организует единое производство и распределение. Так как государство, как и всякое коллективное лицо, может проявлять волю только через свои органы, то органы государства и являются действительными руководителями хозяйственной жизни. Общественный строй, в силу этого, должен иметь бюрократический характер, т. е. на место частно-хозяйственных предпринимателей и исполнителей должен стать кадр государственных служб с чиновниками и агентами. Функции этой бюрократии значительно возрастут по сравнению с бюрократией в буржуазном государстве: кроме общеправительственных и административных функций на ней будут лежать еще и функции технико-экономические. Нужно подчеркнуть, что осуществление такого строя принципиально возможно при всяком государственном порядке. Такой «социализм» отнюдь не требует демократии и вполне может быть совместим с монархией, особенно абсолютной *).

б). *Как государство в целом, мыслимое по типу трудовой, рабочей демократии.*

Требование демократических форм не меняет юридической природы социалистического государства в его отношении к проблеме собственности, однако, вносит существенные перемены в политическую структуру социалистического общества. Как и при всяком государственном социализме, *собственником* всех благ остается государство, как особое юридическое лицо. Как и во всяком другом коллективном лице фактическое распоряжение вещами принадлежит государственным органам. Различие только начинается при вопросе о способах образования таковых органов. Рабочая демократия является организацией экономическаго самоуправленя, оттого в подобном государстве все должности должны быть выборными, чиновники должны быть сменяемыми и ответственными. Высшая власть должна принадлежать голосующему органу трудящихся и его представителям. Словом, подобное социалистическое государство стремится к распространению принципов политической демократии на хозяйственную жизнь. Такое государство более всего можно уподобить огромному акционерному обществу, управляемому через общее собрание всех членов и через избираемое им ответственное правление. Собственность в таком случае принадлежит не каждому отдельному члену, но всему коллективу в целом, но каждый имеет право на известную долю дохода. Эта форма социализации предлагается преиму-

*) К подобному социализму склонялись социальные реформаторы консервативного направления, как напр., Родбертус, Шеффлэ и др.

щественно социал-демократами умеренного немецкого типа. Многие черты ее были изложены Марксом, преимущественно в его «Истории парижской коммуны». В числе наиболее выдающихся ее современных теоретиков можно назвать К. Каутского.

в). *Как общество в целом, лишенное формы государственной организации.*

Идеология этого типа социализации возникла при радикальном истолковании некоторых сторон учения К. Маркса. Марксисты, как известно, придерживаются взгляда на государство, как на организацию классового принуждения. В обществе, где исчезнут классы, должно исчезнуть и государство. Общество станет безгосударственным, однако, не анархическим. Оно сохранит начало властности, аппарат принуждения и централизованный характер. Даже все эти особенности в коммунистическом обществе будут более развиты, чем в буржуазном государстве. Но, с другой стороны, по учению коммунистов, в таком обществе не будет господствующих классов, властвовать в нем будут все трудящиеся. Отношения властвования приобретут характер текучий, бюрократия уничтожится, властные функции будут отправлять все по очереди. Загадочность подобного общественного устройства состоит в том, что оно, обладая всеми чертами государства, об'является, однако, обществом безгосударственным; и что оно, обладая ясно выраженным принудительным характером, в то же время об'является «царством свободы». Учение о таком обществе является официальной идеологией современного советского строя. Поскольку в советском государстве воплощены некоторые его черты, постольку можно считать разоблаченной его загадочность: подобное общество имеет чисто *этатическую* природу. Однако сторонники названной идеологии об'ясняют этот этатизм переходным характером советского строя, продолжая до сих под утверждать, что при окончательном торжестве коммунизма государство должно все-таки исчезнуть.

г). *Не как государство в целом, но как отдельные территориальные или же профессиональные части государства.*

Подобная социализация общества мыслится, как постепенный процесс разложения и распадения современных государств. Поэтому названный тип социализации связан с идеалами анархизма. Более старый вид таких социально-политических теорий считал, что в будущем идеальном обществе собственниками будут территориальные трудовые коммуны, в пределах которых все станет общим. Частная собственность уничтожится не путем растворения множества частных суб'ектов в одном коллективном, — но путем растворения во многих коллективах, которые будут стоять в вполне самостоятельном отношении друг к другу, и не будут подчиняться какой-то единой высшей власти. Отношения таких коллективов будут отношением равных. Так как над ними нет иерархического высшего порядка, то, стало быть,

нет и порядка частной собственности. Внешние отношения между коммунами строятся по типу международной конфедерации, основанной на свободном соглашении анархического типа. Совокупность коммун не будет организованным коллективом, юридической личностью или самостоятельным суб'ектом права. Подобные идеалы излагались анархистами типа Кропоткина и ему подобных. В более новой формации эти идеалы формулированы анархо-синдикалистами. Эти последние считают суб'ектами социализованной собственности не территориально-трудовые единицы современных государств, но профессиональные об'единения трудящихся отдельных специальностей или синдикаты. Для них в будущем обществе собственность также не переходит к единому коллективу-государству, государство тоже разлагается, но по другому плану. Союзы углекопов становятся собственниками шахт, текстильщики — собственниками ситценабивных фабрик, металлисты — собственниками металлургических заводов и т. д. Во главе каждого такого синдиката стоит соответствующая биржа труда. Каждый синдикат — вполне самостоятелен, он не подчинен какому-либо *над* ним стоящему порядку, потому его собственность не является частной. Отношения между синдикатами свободные, совокупность их образует опять-таки нечто вроде международной конфедерации, во главе которой будет стоять центральная биржа труда. Вопрос о том, будет ли эта конфедерация некоторым самостоятельным суб'ектом права и присвоены ли будут ей права высшей власти (суверинетета) — является у синдикалистов неразработанным и спорным. Но ясно, что, мысля *чистый тип* охарактеризованных отношений, нельзя приписывать союзу синдикатов ни того, ни другого. В противном случае пришлось бы допустить, что синдикальное государство будет иметь некоторый *иерархически возвышающийся* публичный порядок, и, стало быть, некоторый *частный* порядок. Этот строй был бы, следовательно восстановлением частной собственности синдикатов. Многие синдикалисты так и мыслят синдикальное государство, однако, это является отступлением от чистых типов социализации (см. ниже).

Б. Суб'ектом права собственности социализированного общества является коллектив неорганизованный

Иными словами, социализация здесь мыслится по типу сособственности. Общественными благами должны владеть все так, как наследники в равной доле владеют общим имением или общим домом. Это есть старая теория, начала которой можно свести еще к стоикам *). Они сравнивали земли с театром, в котором все могут быть зрителями. Следовательно, каждый имеет право на место, которое, однако, принадлежит ему *не на праве собственности,* но на *праве владения.* Суб'ектом собственности ведь являются *все* вместе, а не *каждый в отдельности.* Подоб-

*) Упоминается въ «De officiis» Цицерона и связывается с именем Хризиппа.

ная система может быть последовательно проведена при следующих условиях: 1) Часть общей собственности, которою вправе владеть каждый, должна равняться всей сумме общественных благ, разделенной на число членов данного общества; 2) каждый должен владеть только одной частью, полученной при помощи такого деления; 3) при увеличении или уменьшении количества членов общества пропорционально увеличивается или уменьшается доля участия каждого во владении общими благами. Отсюда видны различия понятия сособственности в ее социалистическом истолковании от сособственности, как она встречается в установлениях современного действующего права буржуазных государств. 1) В первом мы имеем дело с *неопределенным* количеством сособственников, а не с ограниченным количеством их, как в современном праве; 2). Социалистическая сособственность отрицает индивидуальное право на выдел из общего участия в собственности, тогда как этот выдел в современном праве признается. Характерной особенностью этого рода общей собственности является то, что коллектив, которому приписывается право собственности, представляет собой простой аггрегат неопределенного количества членов. У коллектива нет особых прав самостоятельного суб'екта, но права его равны сумме прав всех его членов. Бытие такого коллектива не имеет организованного строения, у него нет особых органов, которые бы его представляли. Высшим органом может быть разве только сходка всех наличных членов, но никакой «общей воли» (в смысле Руссо) она образовать не может, ибо рискует превратиться тем самым в коллектив организованный. При всей трудности представить реальность такой системы ясным остается одно: она по существу своему тяготеет к анархии, и отрицание всяких организованных общественных форм является ее последним словом. Заслугой довольно неясных теоретических блужданий Прудона является то, что он, тяготея именно к характеризованному нами сейчас типу собственности, отлично уяснил анархическую его природу. *) Он хотел в своих социальных проэктах найти средний путь между частной собственностью и коммунизмом, — и этот путь, конечно, есть путь анархического общества, в котором каждый возможный член имеет право на неопределенную идеальную долю неопределенного количества общественных благ.

Гл. 6. Социализация в теории и практике русских социалистических партий

Таковы основные чистые типы уничтожения порядка частной собственности. Было бы большим недоразумением предполагать, что какое либо из существующих практических социалистических тече-

*) Я разумею прежде всего вышецитированную книгу его «Qu'est-ce que la propriété».

ний стремилось к проведению в жизнь этих типов во всей их чистоте. Еще наиболее последовательным является государственный социализм, но ведь он и не составляет особой социалистической партии. Современные же социалистические партии и характеризуются тем, что в их программах и их практике довольно хаотически смешиваются различные типы социализации. Мы вполне отдаем отчет, что в известных пределах такое смешение вполне допустимо. Можно, например, стремиться к тому, чтобы построить социалистическое государство отчасти бюрократически и отчасти, как рабочую демократию (совместить социализацию типа *а* и типа *б*, как это изложено выше. Но нужно указать *основные недопустимые виды смешения*, — и они то являются, как мы увидим, для современного партийного социализма и коммунизма наиболее характерными. Нельзя, во-первых, смешивать коллективную собственность, принадлежащую единому коллективному лицу, с сособственностью, и нельзя, во-вторых, провозглашать отмену частной собственности путем социализации и в то же время строить порядок, основанный на неосознанном допущении частной собственности. Надо сказать, что эти две ошибки составляют характернейшую черту современного социализма. Для иллюстрации указанных ошибок мы возьмем две русские социалистические партии, программы которых имели наиболее актуальное значение в истории русской революции и русского социализма. Мы разумеем партию С.-Р. и С.-Д.

Для характеристики программы социализации, предлагаемой с.-р. партией, следует обратиться к прототипу нашего революционного народничества, к программе «Народной Воли», воззрения которой оказали решительное влияние на весь последующий эсеровский социализм. Согласно программе исполнительного комитета «Народной Воли», опубликованной в 1879 г., устроение жизни по социалистическому учению должно сводиться к следующим пунктам: 1) земля и орудия труда должны принадлежать *всему народу и всякий работник вправе ими пользоваться; 2)* работа должна производиться не в одиночку, а сообща; 3) продукты общего труда должны делиться, по решению, между всеми работниками по потребностям каждого; 4) государственное устройство должно основываться на *союзном договоре всех рабочих общин;* 5) каждая община в своих внутренних делах *вполне независима и свободна.**) Едва ли можно сомневаться, что авторы этой программы в своем проэкте социализации комбинировали идею сособственности всех членов общины на все общественные блага с идеей анархического союза отдельных территориальных трудовых общин. В подобной комбинации еще нет никакого противоречия: можно мыслить названные отношения так, что сособственниками благ (напр., земли) являются все люди, однако пользовате-

*) См. «Сборник программ и программных статей партии Народной Воли», Женева, 1903, Программа исполнительного комитета 1879 г.

лями этими благами являются отдельные трудовые общины, в пределах которых могут возникать новые, особые отношения собственности на весь выработанный общинами трудовой продукт. Этот анархо-коммунистический идеал был совершенно утопичен, зато отличался действительной последовательностью. Восприемники идейного наследства «Народной Воли», по крайней мере внешне, продвинули его в смысле реализма, но исказили в смысле последовательности. Следы влияния народовольческих представлений на программу (особенно аграрную) эсеровской партии весьма заметны. В принятой на 1 С'езде с.-р. партии (30 дек. 1905 г.) программе утверждалось, что в вопросе устройства поземельных отношений партия с.-р. «стремится опереться в интересах социализма и борьбы против *буржуазно-собственнических начал*, на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, особенно на распространенное среди него убеждение, *что земля ничья* и что право на пользование ею дает лишь труд»...*) Исходя отсюда, партия выставляла требование «социализации» земли, т. е. из'ятия ее из товарного оборота и обращения *из частной собственности отдельных лиц и групп в общенародное достояние* на следующих началах: все земли поступают *в заведывание* центральных и местных организаций народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессословых сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями; *пользование* землей должно быть *уравнительно-трудовым*, т. е. обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товариществе; недра земли *остаются за государством;* земля обращается *в всенародное достояние* без выкупа». Замечательно, что авторы этой программы как бы намеренно избегают каких либо юридических формулировок. Для характеристики способа социализации применяются исключительно неопределенные и неясные термины: «достояние», «заведывание», «оставаться за государством»... Попытка расшифровать эти термины приводит к выводу, что земля, по эсеровской программе никакому *организационному* обществу *на праве собственности* не принадлежит; недаром ведь эсеры были против всякого государственного социализма.

Земля, как «народное достояние» принадлежит всем и никому, т. е. на нее существует сособственность с неопределенным количеством собственников. Организованные общественные единицы и их органы не состоят «собственниками», но только «заведывающими». «Пользователями» являются трудящиеся. Так как пользование уравнительно, то и заведывание должно сводиться к распределению земли по уравнительному принципу. Что же кроет в себе эта программа, оказавшая столь большое влияние на события русской истории? Да,

*) Программа и организиционный устав партии С.-Р., утвержденные на I партийном с'езде (30 дек. 1905 г.).

в сущности говоря, повторение старых требований «Народной Воли», облеченных только в несколько иную словесную форму и ограниченных тем, что они применялись к земле, а не к другим орудиям производства. Эсеры, как известно, довольно осторожны были в вопросе о немедленной социализации промышленности, отодвигая ее на неопределенное будущее, однако, по существу, и эта последняя социализация в конечном идеале, должна, очевидно, сводиться к утверждению за всеми трудящимися права на идеальную долю во владении фабриками по типу сособственности. При таком понимании эсерский социализм не мог не приобрести чисто анархического уклона: социализированное общество должно было мыслиться как неорганизованный аггрегат, чуждый государственным и даже правовым оформлениям (см. выше, гл. V, пункт А, б.).

Действительно, анархизм всегда был близок эсерской партии, хотя оффициально она от него нередко и отмахивалась. Для обнаружения неясности эсеровских понятий любопытно вспомнить те соображения, которые приводились эсерами при критике анархизма. Разбирая анархический лозунг «уничтожение частной собственности» эсеры находили его «ничего не говорящим о том, что хотят нам дать взамен частной собственности»!*). И вот как формулировали они свою *положительную* программу: «Мы, революционеры-социалисты стремимся в экономической области: 1) к обобщению средств производства, т. е. к переходу их в *собственность общества или всего народа* (sic) и 2) к планомерному общественному распределению»... Но что же означает эта собственность «общества» или «всего народа»? Ответ дается следующий, обнаруживающий полную путаницу юридических понятий: «Другими словами, собственником и верховным распорядителем земли, средств и орудий производства, путей сообщения должно быть *организованное* в федерацию демократически-республиканское *общество*, являющееся, в то же время, *в лице ответственных своих органов* и высшим руководителем производства» **). «На обычном языке это означает, что общество, как таковое, становится *единственным хозяином* всех перечисленных выше средств и орудий производства, ему будут принадлежать jus utendi et abutendi ими, право пользования, владения и распоряжения... Общество заменяет всех частных хозяев-капиталистов, — общество, т. е. *его организованная мощь, его специально отряженные для этой функции органы*». Но это совершенно противоречит основной программе партии и является прямым уклоном в сторону государственного социализма. Однако, при встрече с государственным социализмом эсеры всегда стремились доказать, что они не этатисты, что обобществление они не понимают, как утверждение государственной собственности.

*) Ср. Е. Устинов, Современный анархизм, Женева, 1905, стр. 14.

**) Ibid., стр. 4.

Предостережения против государственного социализма содержит программа 1905 года и предостережениями этими полна литература вплоть до наших дней. Вместе с тем и в наши дни эсерами не изжиты еще старые народовольческие идеи, выраженные в программе 1905 года. На происходившем в 1922 году берлинском совещании партии с.-р., обслуждался вопрос об изменении программы, — но обсуждение, как видно, не привело к ясности. Доклады, предложенные на этом совещании по аграрному вопросу, не попали в печать, но вместо них появилась статья В. Чернова, из которой следует, что на совещании более спорили о том, правильно ли большевики поделили землю, чем сомневались в истинности основных эсерских тезисов: земля ничья и право на нее принадлежит всякому и каждому.*) Замечательно, что тезиса этого не оспаривали и правые эсеры (И. Бунаков). Что же касается до более левых, то они и до сей поры развивают программу социализации земли, по типу сособственности. По мнению В. Чернова, высказанному в его новейшей книге, социализация земли не означает «самодержавия большинства», «неограниченной власти сельского мира над индивидуумом». Социалистическое «право на землю» «играет ту же роль, какую неотчуждаемые права человека и гражданина в политической демократии». «Всякий, кто может доказать, что несправедливыми *распоряжениями* местного самоуправляющего коллектива его *равное* с другими согражданами трудовое *право землепользования* нарушено, *имеет к нему право иска*, может в свою защиту *привести в движение правопорядок* .**) Иными словами, может претендовать на постоянный передел!... Это есть явное повторение народовольческих формул: земля принадлежит всем, а не коллективному лицу, не государству. Государство В. Чернову вообще мало необходимо, он всячески от него старается отделаться, он его боится. ***) В конечном счете он — анархист, для которого «идеальное безгосударственное общежитие» основано на «гармоническом совпадении всех индивидуальных свобод».

Несмотря на все это, Декларация С'езда заграничных организаций партии С.-Р. в ноябре 1923 г. провозгласила: «партия С.-Р *остается при убеждении* (sic), что земля и природные богатства страны (залежи каменного угля, руды, нефтяные источники, водная сила, леса), а также железно-дорожный транспорт *должны принадлежать государству*»****). Как видно, юридический смысл вопроса для социалистов эсерского направления совершенно не выяснен, даже проблема самая не ощущается.

Другая русская социалистическая партия С.-Д., следуя учению марксистского социализма, не придавала особого значения вопросу

*) См. «Революционная Россия», 21.
**) В. Чернов, Конструктивный социализм, стр. 128.
***) Ibid., стр. 32 и след.
****) «Револ. Россия», 32.

о социализации земли. По ее учению, земля должна быть социализирована в результате предварительной капитализации и общего последующего крушения капиталистической системы хозяйства. Поэтому русская социал-демократия в своей аграрной программе поощряя экспроприацию помещечьих земель крестьянами, имела в виду содействовать развитию нового, капиталистического землевладения, на почве которого впоследствии мог вырасти социализм.

Но как понималась, однако, эта конечная социализация, каковой была ее правовая природа? Марксисты, согласно их догме, отклоняли от себя решение этих вопросов, считая, что оно преждевременно, что будущего предугадать нельзя, что оно создаст новые формы правовых отношений. Однако, вполне избежать решения этих вопросов они не могли. Там и здесь в их программах и комментариях к ним, проскальзывают у них отдельные мысли о способах социализации. Суммируя эти мысли, можно сказать, что марксистскому социализму классического типа, как он выражен,, например, в Эрфуртской Программе и в отдельных брошюрах Каутского совершенно чужда была идея сособственности общественных благ и мысль о их переделе. Социализацию они понимали, как уничтожение частной собственности и переход ее в коллективную собственность организованного общества. Это организованное общество понималось прежде всего, как государство, и классический эдекский социализм имел несомненную *этатическую* природу. Эрфуртская Программа прямо полемизирует с учениями анархического и синдикалистского социализма, который хочет превратить отдельные капиталистические предприятия в товарищеские. По ее мнению, подобный социализм не уничтожает частной собственности, построен на товарном обмене и конкурренции, другими словами, не отличается от капитализма. Эрфуртская Программа требует для водворения истинного социализма «дальнейшего шага вперед» и уничтожения товарного производства и обмена. «Социалистический способ производства требует об'единения всех предприятий... *в одну великую ассоциацию*»*). Юридически это значит, что будет установлена единая собственность организованного общественного коллектива на все общественные блага, кроме предметов личного потребления. Однако, из такого общего положения делаются и исключения. Эрфуртская Программа не требует экспроприации мелких ремесленников и крестьян. В своей брошюре о социальной революции Каутский даже решается на следующее признание: «В социалистическом обществе» — по его словам — «могут существовать рядом друг с другом самые разнообразные виды собственности на средства производства: государственная, коммунальная, кооперативная, частная» **). Вопрос только в том, как может существовать такое об-

*) К. Каутский, Эрфуртская программа, Штутгарт, 1905 г. русск. пер., стр. 58.

**) К. Каутский. Социальная революция, Женева, 1903, р. II, стр. 106.

щество без товарного обмена и почему оно будет называться социалистическим? Ведь и в современном обществе имеются все эти виды собственности.

В социал-демократии западного классического типа вопрос о социализации до сих пор стоит на точках зрения Эрфуртской Программы. В проэктах пересмотра программы немецких с.-д., относящихся к 1920 году, не считается существенным изменять ту часть программных требований, которая относится к социализации*). Впрочем, те выражения, в которых формулирован вопрос о социализации в новых проэктах, не отличаются юридической ясностью. Проэкт требует превращения земли и средств производства в «общественное владение» (Gesellschaftlicher Besitz), или владение всего общества (der Besitz der Gesamtheit), а не в собственность государства.

Но, с другой стороны, некоторые новые формулировки программ западной социал-демократии не могут не убедить нас в том, что после войны настал период явной дегенерации социализма, как плана радикального преобразования отношений собственности. Вместо социализма излагается в них система исправленного капитализма. Такова, например, программа австрийской социал-демократии 1926 г.**). «Социалистическое» общество, по этой программе, всецело сохраняет порядок частной собственности. Сохраняется частная собственность и в мелком производстве и в земледелии. Уничтожению подвергается только «эксплуататорская» собственность крупных капиталистов и землевладельцев. Она обращается в «общественную» собственность (Gemeinweżen) понимая под этим собственность государства, областных учреждений, городов, кооперативов, и т. п. Таким образом, в «социалистическом» обществе будет ровно столько видов собственности по суб'ектам, сколько их и в капиталистическом! Повторяем, почему-же оно носит название «социализм»? Теоретическое убожество подобных планов «социалистического» переустройства заключается в том, что в них не содержится ровно *никакого принципа*, который отграничивал бы современную экономическую систему от будущей, об'являемой идеальной, всенсцеляющей. Социализм растворился в оппортунизме социалистического реформаторства и потому лишился своего идейного лица. То, что в нем было сильного, — творимый им «социальный миф», — окончательно выветрился, осталась практика мелких дел, полезных, но лишенных общего принципа.

Особенно интересно отметить, как классическая теория социали-

*) «Das Programm der Sozialdemokratie». Vorschlage fur seine Erneuerung, 1920, статья R. Schmidt'a, Die Sozialisierung, стр. 47-8.

**) Ср. «Das Agrarprogramm des deutschösterreichischen Sozialdemokratie. Wien, 1925. — Также «Arbeiter-Zeitung», 1926, № 217. — Сходным характером обладают: «Das Görlitzerprogramm», Berlin, 1922 и «Das Heidelbergerprogramm, Berlin, 1925.

зации у с.-д. была изменена русским марксизмом в теории и, главным образом, в практике В.К.П. В первую очередь дело идет об аграрной программе социализации, проведенной советским правительством. Эсеры утверждают, и не без некоторого права, что российские коммунисты их попросту здесь обокрали. И действительно, украдены были не только лозунги, но и вся путаница понятий. В известном декрете «О земле», изданном Совнаркомом в 1917 г. и помещенном в «Собрании Узаконений» за № 1, помещичья собственность на землю отменялась немедленно, без всякого выкупа. Помещичьи имения, равно и другие земли, со всеми принадлежностями и всем инвентарем, переходили *в распоряжение* волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов. Земля об'являлась *принадлежащей всему народу.* Другими словами, программа «Народной Воли» была, наконец, осуществлена руками русских учеников Маркса. В особом наказе о земле, изданном дополнительно к вышеупомянутому декрету, утверждалось, что «самое справедливое» разрешение земельного вопроса сводится к полной отмене частной собственности с тем, что «земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни какими либо другими способами отчуждаема». Вся земля «обращается *в всенародное достояние* и переходит *в пользование* всех трудящихся на ней».

Провозглашая такой переход, Наказ отличал землю, как *всенародное достояние* от некоторых особых земель, которые должны перейти в исключительное *пользование* государства (недра земли, руды, нефть и т. д.). Право пользования остальной землей должны получить *все граждане,* желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Землепользование об'являлось *уравнительным,* т. е. земля должна была распределяться между трудящимися по трудовой или потребительной норме. Вся земля, по ее отчуждении, поступала в общенародный земельный фонд. Распределение ее между трудящимися поручалось органам местного самоуправления и центральным областным учреждениям. Земельный фонд должен был подвергаться *периодическим переделам* в зависимости от прироста населения и культуры сельского хозяйства.

Иными словами, в этот медовый месяц коммунистической революции Р.К.П. ясно декларировала принцип: земля есть театр, место в котором принадлежит каждому. Она стала на точку зрения социализации по принципу собственности всех возможных членов общества. В соответствии с этими принципами был составлен и первый текст закона о земле,*) в основу которого были положены старые народнические лозунги: «земля — всему трудовому народу», «право пользования — тем, кто обрабатываеат ее собственным трудом», «право это не может быть ограничено ни полом, ни вероисповеданием, ни

*) Собр. Узак., 1918: 25, ст. 346.

национальностью, ни подданством»... Закон этот не выделял даже особой государственной собственности на недра земли, леса и т. п., он отдавал их, в зависимости от их значения, уездной, губернской, областной и федеральной советской власти. Государство, как особый юридический суб'ект, не получало на землю никакого исключительного права. Оно становилось одним из суб'ектов, пользующихся землей в целях культурных, просветительных, застройки, устройства путей сообщений и т. п., но наравне с государством подобное же право присваивалось и другим общественным организациям. Государство не об'являлось, следовательно, коллективным собственником земли. Функции государства сводились к проведению в жизнь тех начал нового землеустройства, которые вытекали из института сособственности и из уравнительного пользования землей.

Но уже в самое ближайшее время необходимость заставила Р.К.П. перейти от народовольческой программы к государственному социализму. Теоретическое значение этого перехода не доходило до сознания в силу неясности социалистических принципов: и там был социализм и здесь социализм, — значит, ничего принципиально не изменяется... Уже в 1919 г. был издан ряд декретов, существенно изменивших октябрьскую аграрную реформу. В декрете об организации посева хлебов советское государство об'явило себя фактическим хозяином всех земель, не находящихся в пользовании отдельных лиц или коллективных хозяйств. В силу грозящего голода оно причислило эти земли к фонду земель для государственного посева с учреждением особого органа, ведающего осуществлением этого мероприятия.*) Но решительный удар эсерским воззрениям наносит декрет «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию».**) Упомянутый декрет открыто переходит с точки зрения воззрений на землю, как *на сособственность* к взгляду на нее, как на собственность единого коллектива — государства. «Вся земля» — об'являет этот декрет — «в пределах РСФСР, в чьем бы она пользовании не состояла, считается единым государственным фондом» ***). Распоряжение этим фондом принадлежит законным государственным органам. Целью коммунистического государства является создание «единого производственного хозяйства, снабжающего Советскую Россию наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда». Соответственно с этим весь государственный фонд является об'ектом государственного хозяйствования, которое именуется «землеустройством» или совокупностью мероприятий технического характера, направленных к постепенному обобществлению землепользования»****). В основу сельского хозяйства советской республики был положен единый землеустроитель-

*) Собр. Узак., 1919, №2, ст. 25.
**) Собр. Узак., 1919, №4, ст. 43.
***) L. c., §1.
****) L. c., §7.

ный план *). Однако, советская республика не решилась прямо перейти к обработке земли исключительно силами государства. Были заведены особые советские хозяйства, но наряду с ними были признаны и отдельные землепользователи, — коллективные и даже единоличные, — земледельческие товарищества, производительные коммуны, сельские общества и даже отдельные лица **). Все эти суб'екты землепользования не имеют права хозяйственного самоопределения, но подчиняются единому сельско-хозяйственному плану. Государство ведет точную запись землепользователей и подвергает их хозяйства государственному учету.***) Таким образом, в эпоху военного коммунизма эсерские принципы были заменены принципами государственного социализма. Р.К.П. довольно последовательно применила тот план социализации, о котором учили германские с.-д., — только последние относили его к далекому будущему, а большевики попытались реализовать его в настоящем. С точки зрения социалистов это было «рано», однако теоретически весьма последовательно.

Названные законодательные источники еще не принимают термина «государственная собственность» на землю. Но термин этот ясно высказан в земельном кодексе Р.С.Ф.С.Р. 1922 г. и в других позднейших законадательных источниках. «Все земли» — говорит названный кодекс — « в пределах Р.С.Ф.С.Р., в чьем бы владении они не состояли, *составляют собственность* рабоче-крестьянского государства». «Право частной собственности на землю, недра, воды, леса, в пределах Р.С.Ф.С.Р. *отменено навсегда*». «Все земли сельско-хозяйственного производства, составляют *единый государственный земельный фонд*, который находится в заведывании Народного Комиссариата Земледелия и его местных органов» ***).

Вместе с тем в кодексе слышатся и некоторые отголоски народовольческих идей. Так, кодекс утверждает, что право на пользование землей для ведения сельского хозяйства имеют *все граждане Р.С.Ф.С.Р.* (без различия пола, вероисповедания и национальности), желающие обрабатывать ее *своим трудом*. Граждане, желающие получить землю в трудовое пользование, наделяются землей или земельными обществами, в состав которых они входят, или земельными органами, *если в распоряжении последних имеется запасная земля*, предназначенная для трудового пользования *****). Это последнее постановление содержит видимое отступление от принципа сособственности с неопределенным количеством суб'ектов: признается недостаток земли, лишающий возможности поголовного передела, утверждается, следовательно, возможность закрепления владения землей, как известной привилегии.

*) L. c., §§ 11-20.
**) L. c., §§9; 60-93; 94-134.
***) L. c., §21,
****) Ст. 1-3,
*****) Ст. 9.

В настоящее время союзным совнаркомом выработан проэкт нового земельного кодекса. Обсуждение этого проэкта, помещенное в журнале «На аграрном фронте», дает весьма интересный материал для характеристики понимания принципа социализации в современной России. Прежде всего, общее настроение принимавших участие в обсуждении проэкта членов Социалистической Академии, коммунистов и беспартийных, выражается в требовании освободиться от эсерских традиций. «Нужно не впадать в народничество», «избавиться от эсерского наследия». «Что земля Божия, а Бог дал землю мужикам — эту эсерскую сермягу пора сбросить». Обязательство дать землю всем есть «бронзовый вексель». Политика «бронзовых векселей» — самая плохая политика».*) «Нельзя декларировать право всех граждан на пользование землей, т. к. это неосуществимо».**) Необходимо ясное подтверждение принципа национализации вместо всякого рода расплывчатых определений, вроде: «земля — общенародное достояние». Это не просто замена неопределенного термина определенным. Это провозглашение того взгляда, *по которому государство* не является только пассивным распределителем земли между отдельными мелкими земледельческими хозяевами, *а является активным фактором*». ***) Эти красноречивые выражения показывают, что русское революционное сознание переварило, наконец, народовольческое наследство и решительно от него хочет освободиться. В этом, если угодно заключается непреходящее значение названных прений. С другой стороны, в дискуссии, правда, довольно осторожно, обосновываются и права частной собственности на землю. «Страна держит курс на индустриализацию» — говорит один из участников дискуссии — «это наша основная позиция». Как эта позиция должна отображаться на земельных отношениях? Она должна отображаться на систематическом, постоянном оставлении земли частью населения, отходящего от сельского хозяйства. *Это положительный, прогрессивный процесс*» ****). Таким образом прогрессивной с экономической точки зрения считается не всеобщий раздел, а закрепление земельной собственности, как привилегии некоторых. У разных участников названной дискуссии более или менее ярко слышится мысль, что такой процесс закрепления создает хорошего хозяина, пробуждает чувство личной ответственности и ведет к росту народного богатства. В то же время, у участников дискуссии ясно слышится и тот мотив, что процесс образования отдельных самостоятельных сельских хозяйств не уничтожает прав государства на вмешательство в экономическую жизнь. Необходимо выдвинуть» — говорят участники дискуссии — «принцип обязательства для землепользователя вести свое хозяйство достаточно интенсивно». «Нужно провозгласить, что раз вам дана об-

*) «На аграрном фронте», №9, стр. 97,109.
**) Ibid., №7-8, стр. 13.
***) Ibid., №9, стр. 96.
****) Ibid., №9, стр. 90 (мнение Н. П. Макарова).

щая, национализированная земля, то потрудитесь на ней вести хозяйство не ниже некоторого минимального уровня» *).

Русское социалистическое сознание совершило таким образом замечательную эволюцию: от социализации по типу сособственности, через государственный социализм, к идее национализации, мыслимой, скорее, как активная государственная политика, чем как социализм. Мы увидим, что эволюция эта чрезвычайно знаменательна. Она означает вообще кризис социалистической догмы. Мы иллюстрировали этот процесс гл. образом, на проэктах аграрной социализации, но он захватывает всю программу социализма в ее целом. Он относится также и к социализации других средств производства и орудий труда. В проэктах социализации этих последних идея сособственности играла меньшую роль, просто потому, что названные об'екты по природе своей менее делимы, чем земля. Оттого ни эсерский социализм, ни коммунизм не выставляли в названной области идеи социализации по типу сособственности, так последовательно, как она выставлялась и проводилась в аграрной программе. Русский коммунизм даже в своей практике прямо начал *с огосударствления промышленности.* В эпоху военного коммунизма он огосударствил и предметы потребления. Но постепенно он стал отходить и здесь от одностороннего этатизма к системе широкой «национализации», понимаемой, как проявление социально-экономической активности государства. Это — отступление по всему фронту русского коммунизма. Идейный смысл его мы постараемся раскрыть в последующих главах.

Гл. 7. Противники и защитники частной собственности

Критика частной собственности является критикой существующей экономической системы, именуемой капиталистической или буржуазной. И, в сущности говоря, все коммунистические и социалистические теории исходят в своих положительных построениях из такой критики, — за исключением разве только марксизма в его эволюционном истолковании, который утверждает, что капиталистический порядок рушится не в результате его идейного отрицания, а в силу необходимого развития самого исторического процесса. В настоящее время, впрочем, всякий социализм, — в том числе и марксисткий, — потерял характер чисто теоретического умозрения; социализм стал ближайшим вопросом дня, социализм строится, капиталистическое общество сознательно и намеренно разрушается в целях водворения социализма. И наиболее решительно этот практический характер приобретен у коммунистов. Теперь уже некогда дожидаться, когда частная собственность вымрет, теперь приходится

*) Ibid., №10, стр. 72; №9, стр. 89.

спрашивать, почему ее разрушают, в силу каких несовершенств и недостатков? И какими достоинствами отличается новый социалистический или коммунистический строй? Вопросы эти встают с тем большей силой, что произведенный в России опыт уничтожения частной собственности далеко не оправдал возлагавшихся на него надежд. Упраздненная и урезанная частная собственность силой вещей восстанавливает свои права и требует реабилитации. Коммунисты оправдываются иногда тем, что опыт этот был произведен в очень трудной, послевоенной обстановке, да еще в стране с слабо развитой промышленностью. Однако, сторонники частной собственности с особой силой настаивают, что опыт этот и вообще не проводим ни при каких условиях и что принцип частной собственности всегда будет торжествовать, так как за ним стоят стихийные, естественные законы общественной жизни. Неудачи русского опыта ставят под сомнение не только социальную систему коммунизма, но заставляют сомневаться в целесообразности начала социализации в ее более умеренном виде. Капиталистическая система приобретает таким образом характер некоторой «естественной», самой «природе» соответствующей системы. И «естественным» становится порядок частной собственности, предназначенный социалистами к уничтожению или к решительному преобразованию.

Все изложенное ставит *проблему оценки* частной собсвенности во всей ее остроте. В последующем мы сделаем попытку разобраться в этом вопросе путем рассмотрения разных мнений, как сторонников, так и противников частной собственности.

Существует два рода соображений, руководствуясь которыми можно положительно или отрицательно оценивать институт частной собственности: а) соображения технико-экономические; б) соображения нравственные. Мы изложим их по порядку.

а) Оценка частной собственности с точки зрения технико-экономической

По мнению защитников частной собственности, институт этот единственно соответствует правильно понятым принципам народнаго хозяйства. Приводимыя в этом направлении соображения исторически очень древни и ведут свое начало от Аристотеля и его позднейших последователей. *) То, что принадлежит многим, учат сторонники названных воззрений, что является общим достоянием, служит предметом меньшей заботы по сравнению с тем, что принадлежит одному. Каждый человек имеет отвращение к труду, а потому он и заботу об общем перекладывает на плечи других людей и потому в небрежении находятся вещи, которыми владеют все. Сверх

*) Aristoteles, Politika, Lib. II, Cap. 3 (1261 в.). Также Фома Аквинский, Summa Theologica II, 2,66, 2 с. Ср. об этом Fr. Schaub, Die Eigentumslehre des heiligen Th. Aquinatis, Freiburg, 1898, стр. 266.

того и управление человеческими делами идет более упорядоченно, когда каждый властвует над тем, что ему лично принадлежит. Беспорядки наступают тогда, когда каждый без всякого ограничения должен заботиться о всем возможном. Оттого мир и спокойствие более обеспечены, когда каждый находится в обладании ему принадлежащего, чем когда многие владеют нераздельно общим имуществом.

Приведенные соображения, несмотря на то, что они заимствованы у Аристотеля, до сих пор считаются классическими для защиты частной собственности, и до сих пор к ним прибегают сторонники данного института. Между тем все эти соображения покоятся на одном коренном недоразумении: защищают они, в сущности, не *частную* собственность, а *собственность индивидуальную против коллективной.* В силу этого они поражают только некоторые виды коммунизма и социализма, а не начало коммунизации вообще. Все приведенные соображения можно спокойно принять, — и в то же время сделать следующий вывод: что-же, если, хозяйство, построенное на коллективных формах собственности, менее экономично, чем хозяйство, построенное на индивидуальном принципе, то *наиболее экономическим* строением общества будет такое, в котором единый, единоличный хозяин осуществляет единый план общественного хозяйства, — следовательно, где существует общественный строй, похожий на древний Египет (см. выше). «Чем больше хозяйств, — тем меньше порядка, чем меньше порядка, — тем меньше богатства»... Таким образом, наиболее упорядоченное и наиболее богатое общество должно быть похоже на большое поместье с единым хозяином и тысячами подчиненных ему исполнителей. Но организация такого общества уничтожает принцип частной собственности, — и выходит, что попытка защищать этот принцип приводит к его отрицанию.

В то же время очень сомнительной является подобная защита частной собственности при помощи подмены ее собственностью личной и по другому основанию: в силу оспоримости чисто экономических превосходств индивидуального начала в хозяйстве сравнительно с коллективным. В современном хозяйстве огромное количество предприятий построено на чисто коллективных началах. Акционерное общество, это излюбленная форма современного хозяйственного предприятия, является *коллективным купцом и коллективным промышленником.* Можно ли утверждать, что подобный коллективный предприниматель при всех условиях работает хуже, чем предприниматель индивидуальный? Беспристрастный взгляд заставляет утверждать, что современная, в высшей степени экономически развитая и рафинированная жизнь не дает никаких оснований защищать *личную* собственность против *коллективной.* Напротив, капитализм с убедительностью показал всю экономическую мощь коллективного начала в хозяйстве, — и, строго говоря, на этом опыте капитализма и покоится обоснование социализма. Социалисты думают, что дальнейший процесс коллективизации, который охватит будущую промыш-

ленность еще шире, чем современные синдикаты и тресты, создаст непосредственный переход к полному коллективизму, означающему дальнейший шаг к развитию общественного хозяйства. И для непредубежденного человека не решенным остается вопрос: кто будет лучше хозяйствовать, — единоличный ли собственник всего общественного богатства, вроде фараона, или же некий универсальный синдикат, который будет управлять будущим социализированным хозяйством.

Социалистическая критика капиталистической системы привела множество аргументов в пользу того, что хозяйство, построенное на автономном хозяйствовании многих личных хозяев, является системой *экономически* далеко не совершенной. По мнению социалистов, такая общественная организация прежде всего непроизводительно разстрачивает громадное количество труда. Масса труда тратится на распространение об'явлений, реклам, на раз'езды приказчиков, комивояжеров, на организацию бесчисленных лавок, складов товаров и других учреждений, созданных для заманивания покупателей. На место многих лавочек — один универсальный магазин — разве это не более производительно? На место многих складов — один государственный склад, на место миллионов частных распространителей, организованная масса государственных служащих!... Но кроме того, капиталистическое общество тратит также бесполезно громадное количество капитала. Класс капиталистов состоит из многих лиц, соперничающих друг с другом для того, чтобы перебить друг у друга покупателя и потребителя. В процессе этого соревнования капиталистические предприниматели стараются организовать такие предприятия, которыя производят дешевле и лучше. Эти новые предприятия разоряют старые, — и масса капитала гибнет в беспощадной борьбе. В руках капиталистов скопляются огромные средства, которые они не знают куда употребить. Средства эти идут не на пользу общества и даже не на пользу класса капиталистов, но на организацию новых предприятий, последствием чего является гибель старых. Капиталистическое хозяйство ведет к беспорядочности, к анархии производства, к перепроизводству товаров, к кризисам. Для капиталистической системы характерно судорожное циклическое движение от кризиса к оживлению и к новому кризису. Все это указывает на глубокие несовершенства капиталистической системы, на отсутствие в ней разумного, организующего планового начала. Можно утверждать, что рационализация капиталистического хозяйства *не проводима,* но нельзя отрицать того, что требования такой рационализации являются требованиями *технически лучшей* системы. Капиталистическая система действует, как плохой хозяин, может быть, не по вине человека, но по непреодолимой силе обстоятельств. Социалисты хотят, чтобы общество превратилось в лучшего хозяина, — может быть, это не осуществимо, но нельзя отрицать их добрых намерений.

Выходит, таким образом, что порядок частной собственности с

точки зрения высших хозяйственных соображений, как будто-бы и не защитим: хозяйство, при котором множество независимых суб'ектов распоряжается множеством об'ектов, как будто является хозяйством менее рациональным, чем то, при котором распоряжается один индивидуальный или коллективный суб'ект.

Однако, изучая все экономические pro и contra порядка частной собственности, мы до сих пор еще не остановились на одном и очень существенном соображении. Экономический порядок, при котором упразднена частная собственность и которым управляет один — единоличный или коллективный — хозяин, теоретически может представляться очень совершенным, но он весь построен на игнорировании одной важнейшей, стихийной силы, господствующей в социальной жизни человеческих обществ: начала личного расчета, себялюбия и эгоизма. При капитализме каждый частный собственник сам заботится о своем хозяйственном интересе и своей пользе. Если он заботиться не будет, он поставит себя в невыгодное положение по сравнению с другими и погибнет от конкуренции и экономической борьбы. Капиталистическое общество беспощадно подстегивает своих членов, толкая к тому, чтобы они хозяйничали наилучше, иначе им грозит смерть. Это есть жестокий принцип, который, однако, обладает огромной силой. Его можно отвергать из человеколюбия, но нельзя отрицать его технического и хозяйственного значения. Капитализм столь же жесток, как жестока и вся природа с ее законами борьбы за существование. Усовершенствование в природе есть результат борьбы, не будь ее, был бы застой и косность. Так и в жизни человеческих обществ. Попытка превратить капиталистическое общество в социалистическое отнимает у людей наиболее сильные, естественные стимулы человеческого поведения, — эгоистический расчет и начало соревнования. Люди в социалистическом обществе превращаются в лишенных хозяйственной самостоятельности членов целого, в своего рода чиновников, которые призваны осуществлять чужие задания, а не бороться и хозяйствовать самолично. Непосредственно из хозяйственной своей деятельности они не извлекают никакой выгоды, не подстегиваются надеждой на обагощение и страхом обнищания. Такой чиновник небрежно будет отрабатывать свои 8 часов, получая рабочий талон и отлично зная, что больше этого талона он никогда не получит. Общество будет равняться по ленивым, а не по энергичным. За отличную работу, за смекалку и изворотливость не будет выплачиваться премия, или она будет слишком незначительна, — и уж во всяком случае будет уступать премии, выдаваемой капиталистическим обществом, которое наиболее ловких и успевших делает богачами. Общество погрязнет в ленности, против которой будет одно средство: суровая дисциплина.

Названные соображения дают действительно серьезные основание в пользу социального порядка, построенного на частной собственности. Пусть порядок этот обладает большим количеством

несовершенств, пусть он напрасно растрачивает человеческий труд и капитал, — однако он создает полное напряжение социальной энергии, обнаруживаемое новейшим промышленным развитием. Развитие это куплено дорогой ценой, но, еслибы она не была уплачена, люди пребывали бы в экономической косности и застое. Таким образом о цене не приходится жалеть.

Нельзя отговариваться тем, что подобная положительная оценка режима частной собственности построена на предубеждениях старого манчестерства. И многие современные социалисты, вовсе не склонные к примирению с существующим экономическим порядком, всецело признают положительные стороны капиталистической системы. По их мнению, истинный социализм, в противовес социализму государственному, отнюдь не стремится уничтожить «самый принцип» капиталистического хозяйства, давший возможность развить такую высокую степень экономической производительности. *) Социалисты хотят быть наследниками капиталистического общества, хотят воспользоваться всеми его уроками. «Мы с чувством восхищения смотрим на сделанные капитализмом чудеса и полагаем в этом отношении пойти еще дальше»... Принципами же этими считается «сотрудничество» и «личная ответственность». «Посягательство на них равносильно было бы общественному бедствию». «Заставляя промышленника под страхом личного разорения производить постоянно, как можно больше и лучше, капитализм восторжествовал над мелким ремесленником и домашней промышленностью. Задача социализма увеличить еще в больших размерах экономическое благосостояние общества. Он использует поэтому данный ему капитализмом урок и будет упорно бороться со всеми искусственными приемами, подрывающими принцип ассоциации и личной ответственности» **). Отсюда следует обнаруживаемое названными социалистами резко отрицательное отношение к государственному социализму, в какой бы форме он ни выступал. Социализм, говорят нам, вовсе не стремится к образованию единого государственного хозяйства. Подобный план по дороге скорее капитализму, чем социализму. При некоторой конъюнктуре капитализм ничего не имеет против обобществления капиталов. Такая социализация превращает все капиталистическое хозяйство в единый трест и позволяет «капитанам промышленности» не только стать во главе огосударственного хозяйства, но и обложить общество более или менее замаскированным налогом, который возрождал бы старую капиталистическую прибыль. Наконец, такая система избавила бы капиталистов от постоянного падения доходов и от невыгод конкуренции. Словом, капиталистические классы могут рискнуть «испытать средство экспроприации и социализации» и тем

*) Ср. А. Лабриола, Реформа и социальное переустройство, пер. под. ред. В. Ф. Тотомианца, СПБ, 1907, стр. 12.
**) L. c., стр 12.

укрепить возглавляемый ими режим. «Ведь не наша вина, если история развлекается иронией, жестокими обманами и ловушками» *).

Но все это означает, что при отрицании последовательного обобществления, проблема социализма сводится к сохранению режима частной собственности при условии, что она перейдет другим суб'ектам. На место индивидуальных хозяев и современных акционерных обществ станут рабочие кооперативы. Эти последние станут частными собственниками, если у них не будет отнято право вести самостоятельно свои предприятия и если имущество их не перейдет в собственность государству. Такие кооперативы будут пользоваться свободой обмена продуктов, даже на основе обычных денег. Между ними будет происходить соревнование и экономическая борьба. Под угрозой разорения будут они вынуждены вести свое хозяйство наилучшим образом. Только спрашивается, *почему такая система, построенная на признании экономических выгод частной собственности, будет носить имя социализма?* Ответ на этот вопрос переводит нас уже на плоскость оценки частной собственности с точки зрения нравственных начал. Приходится доказывать, что рабочее кооперативное предприятие более приемлемо для социалистического сознания не потому, что оно имеет технические преимущества, — но потому, что в таком кооперативе *нет эксплуатации*. Рабочий кооператив есть союз свободных и равных производителей, в котором нет хозяев и рабочих. При изменении суб'ектов собственности, при переходе ее от капиталистических хозяев (единоличных и коллективных) к рабочим кооперативам устраняется та сторона частной собственности, которая служит основой капиталистического угнетения и эксплуатации.

б) Оценка частной собственности с точки зрения нравственных принципов

Критики частной собственности издавна утверждали, что институт этот противоречит идее равенства, а потому и не может быть оправдан, если бы даже они имел некоторые технически-экономические преимущества. Нам знакомо уже старое сравнение гражданского общества с театром, в котором все имеют право быть зрителями. Каждый должен иметь определенное место, — иначе нарушен будет порядок справедливости. Так и случается в обществе, основанном на частной собственности: места захватывают себе не все, но только некоторые счастливцы, — и иногда захватывают даже целые ложи. Остальные толпятся у дверей театра и не принадлежат к числу зрителей. Частная собственность есть всегда таким образом привилегия, обеспеченная силой и не имеющая никакого нравственного оправдания. И это относится не только к земельной собственности, но и ко всякой другой. Кто владеет домом или каким либо другим недвижимым имуществом, тот всегда стоит в более преимущественном поло-

*) L. c., стр. 11-113.

жении, чем неимущий. Но мало того, что самый факт присвоения создает уже огромную привилегию, — привилегия эта чревата еще другими, весьма существенными последствиями. Прудон назвал всякую частную собственность *правом на прибыль* и считал, что такое определение является как бы некоторой аксиомой. Действительно, человек, завладевший вещью на правах частной собственности, никогда не допустит других, неимущих и нуждающихся людей, пользоваться этой вещью бесплатно. Несправедливость частной собственности заключается в том, что за обладание привелегией она еще требует некоторой премии со стороны третьих лиц. Это и есть рента в ее различных видах. Собственник земли, уже по одному тому, что он собственник, может получить при некоторых благоприятных условиях, возможность отдать свой участок в пользование неимущему и взимать за это с него арендную плату. Так поступает и собственник дома и даже собственники движимых вещей, особенно денег. Таким образом частная собственность есть право на получение нетрудового дохода. Здесь открывается некоторая внутренняя диалектика, присущая идее собственности: основой собственноости, как учат социалисты, является труд, но как только произошло присвоение вещи, обработанной даже своим трудом, получается возможность умножить собственность путем нетрудовым. Такая возможность принципиально существовала всегда, но она получила широкую реализацию в современной экономической жизни, которая выработала особую практику денежных эфектов, имеющих один смысл: из данной суммы без всякого труда получить процент и превратить, ее в большую сумму денег. Получается таким образом, с точки зрения трудового начала, какая то черная магия: частная собственность дает возможность получить доход без всяких усилий, *из ничего создавать нечто*. Частная собственность есть таким образом почва для развития социальнаго паразитизма: кто ее имеет, для того нет обязанности трудиться. Но не менее отрицательны и политические последствия частной собственности. Там, где существует этот институт, более крупные собственники являются социально более сильными, чем мелкие, — а эти последние более сильны, чем неимущие пролетарии. Режим частной собственности ведет таким образом к власти имущих, является режимом плутократии. И эта плутократия покоится не на власти наиболее трудящихся, но на власти тех преимуществ, которые дает нетрудовой доход. Собственность ведет таким образом к тирании богатства, которая не может быть оправдана никакими разумными соображениями.*)

Во всех приведенных суждениях есть много преувеличенного, но в то же время нельзя не видеть в них и наличности подлинной социальной правды. Сколько бы ни твердили нам буржуазные экономи-

*) Аргументы эти приведены у Прудона в цитиров. сочинении о собственности. О воззрениях Прудона ср. очень интересную статью Б. П. Вышеславцева, Парадоксы коммунизма, «Путь», № 3, Париж, 1926.

сты и философы о технических преимуществах основанного на частной собственности общественного порядка, глубоко заложенное в душе человека чувство уязвленной справедливости всегда будет действовать сильнее разных разумных выкладок. Подходя к оценке института частной собственности без предубеждений, трактуя его честно и последовательно, нельзя отрицать, что в нем, взятом без всяких исправлений, имеется некоторый несомненный дефект. *И сознание этого дефекта составляет правду социализма.* Закрывать глаза на эту правду в наше время, — время величайшей социальной борьбы и социальных катастроф, — является показателем не только политической близорукости, но и прямым преступлением. Да и кто взялся бы в наше время защищать, например, существование латифундий или попусту проживаемых миллионов... Обратную сторону режима частной собственности можно предавать умолчанию, можно считать, что в наше время об этом незачем говорить, — но ведь эта фигура умолчания проосто наивна. Наша эпоха требует искренности и полной договоренности. Кто предается фигуре умолчания, тот просто губит свое дело. Теперь можно и должно защищать только *защитимое,* — и чтобы защищать сейчас институт частной собственности с открытым забралом, многое в нем нужно отвергнуть и исправить.

Нравственную защиту частной собственности лучше всего начать с полного признания справедливости суждений ее противников. Допустим, что они во всем правы: частная собственность является привилегией, создает возможность нетрудового дохода, ведет к эксплуатации и т. п. Но нужно при этом добавить: *таковы последствия всякой собственности,* — индивидуальной, коллективной, государственной. Если социализм понимать, как систему, в которой существует не единое организованное хозяйство, но множество кооперативных рабочих товариществ, которые выступают, как самостоятельные предприниматели, как частные собственники, — то такое общественное устройство будет обладать всеми основными недостатками капиталистической системы. Рабочие кооперативы, владеющие, скажем, угольными копями, всегда будут иметь некоторую фактическую привилегию по сравнению с рабочими кооперативами, хозяйствующими на участках с плохой почвою, из которой можно делать разве только кирпичи. Привилегия эта основывается на том, что угольных почв мало и они дороги, а глины много и она дешева. Да и земледелие в таком социалистическом обществе неизбежно будет происходить на качественно разных почвах, что опять таки будет условием возникновения абсолютной, а, может быть, дифференциальной ренты. Что это не простое теоретическое предположение, в этом можно убедиться из практики российского коммунизма, перед которым, в момент отказа от полной коммунизации, неизбежно стал вопрос и о земельной ренте. Устранить подобные явления на почве хозяйственного строя, в котором хозяйствовать будут рабочие коммуны и кооперативы и будут допущены конкурренция и обмен, — просто немыслимо. Радикальной мерой,

направленной на их устранение, является полная коммунизация общества, превращение его в хозяйственное единство с одним единоличным или коллективным хозяином. Рассмотрим теперь, к чему же может привести реализация этих возможностей. Допустим, что водворяется государственный социализм, на место многих частных собственников выступает единый собственник в лице государства. Но не распространятся ли все те сетования, которые раздаются по поводу частной собственности, и по адресу единого коллективного собственника? Очевидно, государство - собственник приобретает все те привилегии, которые имел любой частный собственник. Но, главное, что оно приобретает их *в некоторой максимальной степени.* Тот факт, что такой собственник совпадает с государством, дает ему настолько больше преимуществ, насколько и его имущество, и степень его власти превосходят имущество и власть любого огромного треста. Такой собственник будет поистине сверх - монополистом и сверх - собственником. И обладание всеми общественными благами, плюс обладание государственной властью, дает ему неизмеримую возможность на получение нетрудового дохода и на эксплуатацию. Выяснение всех этих отрицательных сторон государственного социализма нужно поставить в заслугу вовсе не буржуазным критикам, а революционерам, анархистам и самим социалистам. Прудон, один из первых потратил немало труда, чтобы раскрыть это истинное лицо коммунизации, с которым он страстно и убежденно боролся. В различных своих сочинениях, в сущности, он совершенно исчерпал этот вопрос. То, что пишут современные социалисты против государственного социализма, является повторением идей Прудона. Мы можем процитировать одно из таких повторений, заимствованное из русской эсерской новейшей литературы. «Государство - хозяин, государство - предприниматель становится на место частного предпринимателя, акционерной кампании или промышленного треста, — *что от этого меняется? Ничего или очень мало.* Администрация предприятия инкорпорируется в состав обычной бюрократии, ее персонал наделяется правами государственных чиновников. На место наблюдательного комитета и ревизионной комиссии, избираемых собранием акционеров и ему представляющих отчеты, вступают лица и коллегии, назначаемые министерством. Прибыль, вместо распределения по акциям, идет в государственное казначейство. Рабочий так же получает свою заработную плату и так же является на фабрике наемным пришельцем, как и раньше. Если даже его труд обставляется лучше и за него награждают более жирным куском... то ведь то же делают и многие крупные предприниматели... Зато, встав в зависимость от государства, рабочий связаннее: он лишен, хотя бы, например, возможности менять плохого хозяина на хорошего. Государство - патрон... неизмеримо могущественнее обычного капиталиста, и рабочий не может не чувствовать себя перед ним бессильным пигмеем... Да и с точки зрения потребителя тоже. Когда дороговизна жизни растет из за частно-хозяйственной монополии,

создаваемой трестированием предприятий, можно аппелировать на *них государству; при государственной же монополии судьей окажется сам же обвинитель*» *). Оказывается, что система, в которой есть государство, стоящее *над* частным порядком, лучше, чем система, при котором государство является монополистом и собственности и общественной власти. Но это мы как раз и имеем в виду доказать.

Но, можно сказать, что все эти соображения не учитывают одного момента, весьма существенного для современного социализма, — момента демократизации социалистического общества. Конечно, государственный социализм несет с собой опасность превращения во всеоб'емлющую деспотию, однако, опасность эта нейтрализуется истинно демократическими формами самоуправления, которые будто бы привьются при социалистическом строе. Демократически организованное общество будет контролировать и сдерживать притязания государства - собственника. Но, спрашивается, чем это будет отличаться от общественного порядка, именуемого капитализмом? Ведь при этом последнем, также может существовать контроль государства над неумеренными притязаниями частных собственников. Однако, организация такого контроля в социалистическом обществе наталкивается на некоторые трудности. Трудность организации социалистической демократии сводится к тому, что при ней, чтобы государство не было судьей в своих собственных делах, нужно *изобрести какую то силу*, которая бы, в виде организованного общества, стояла *над* государством и его сдерживало. Построить же такое организованное общество, в сущности, и значит построить государство. Выходит, следовательно, что *над* государством - собственником при демократическом социализме должно вырасти государство - контролер, — над организацией производителей нужно построить какую то нейтральную высшую организацию, — предположим, организацию потребителей, как это конструируется гильдейскими социалистами. Но эти последние такую организацию потребителей и называют государством, передвигая организацию производителей в нисшую, частную сферу. Общество приобретает, таким образом, опять таки много - ярусный характер, становится разделенным на частную и публичную сферу. Но все это уже имеется налицо в общественном порядке, построенном на частной собственности. Мы описали круг, и, побродив значительное количество времени по дебрям социального прожектерства, вернулись к исходному пункту, — к старой системе частной собственности, дополнив ее только государственным надзором. Так, может быть, дело и идет об организации этого государственного надзора, а вовсе не о проблеме социализации, понимаемой, как уничтожение института частной собственности?

Нельзя также упускать из вида и других трудностей, связанных

*) В. Чернов, К теориии го капитализма и социализма Револ. Россия, № 47.

с проблемой организации, так называемой, социалистической демократии государственного типа. В сущности, в основе проэктов построения такой демократии лежит идея, взятая социалистами из капиталистического общества, — идея большой акционерной компании. Превратить общество в большой акционерный трест производителей, в котором рабочие будут и пайщиками, — вот что значит построить «демократическую» форму социализма. В таком тресте верховным органом будет собрание всего «трудящегося» народа, а если оно невозможно, то будут созданы его суррогаты, — референдум и народная инициатива. Место Совета займет Парламент, место Правления — ответственный кабинет. Дело социализма сводится, следовательно, только к тому, что вручить органам демократизованного государства управление не только политическими делами, но и всем хозяйством страны, — всем производством и распределением. А это можно достигнуть, экспроприировав частных собственников и передав общественные блага в собственность государству, которое, как государство демократическое, будет государством свободным и правовым. Несмотря на внешнюю гладкость подобного плана, все же нельзя закрывать глаза на весьма существенную разницу между частным акционерным обществом или рабочим кооперативом, как свободными *договорными* организациями, и их *государствообразной* формой, рисуемой в виде промышленной демократии будущего социалистического строя. Если современные государства превратить в огромные рабочие коллективы, то жизнь в них не потеряет характера той *естественной незбежности,* которая свойственна всякому государственному союзу. Вступление в такую организацию не может быть столь свободным, как вступление в спортивное общество, люди будут в таком союзе не проводить часть своего времени, но будут в нем родиться, расти, жить и умирать, в значительной степени независимо от их намерения и воли. Выход из такого союза едва-ли может быть столь свободным, как из акционерного общества, уже прежде всего вследствие отсутствия свободного места, куда бы можно было выйти с тем, чтобы найти пропитание и средства к существованию. Да и вообще, при отсутствии свободы экономического оборота, переход из одного коллектива в другой и даже передвижение профессий в одном коллективе, не могут не быть обставлены значительными трудностями. Но, самое главное, подобная государствоподобная рабочая ассоциация не может не быть обществом, обладающим значительной внутренней дисциплиной и властью. В минимальных размерах внутренняя дисциплина есть в каждом частном обществе, но в государственной организации она доолжна быть максимальной. В частных обществах люди проводят часть своей жизни, а в заменившем государство рабочем коллективе они существуют и проводят всю свою жизнь. Оттого власть последнего не может не быть властью с универсальными функциями. Нет основания думать, что в таком коллективе исчезнет насилие и принуждение, что реализация его будет «прыжком из царства необходимости в царство

свободы». И с уверенностью можно констатировать, что властный характер промышленной демократии будет жестче власти буржуазного государства, — просто потому, что задачи власти в первом *шире,* чем задачи власти в последнем. И если современная буржуазная демократия страдает от неспособности организовать власть, то тем более будет это трудно в демократии социалистической, усвоившей себе демократические формы буржуазных демократий. Если в буржуазном государстве парламентский кризис есть только расстройство политических функций, то в государстве социалистическом парламентский кризис есть уже расстройство хозяйства, следовательно, в конечном счете, расстройство питания. Поэтому в высшей степени сомнительно, чтобы демократизованный социализм был бы в состоянии сохранить ту роскошь безвластия, которую позволяют себе буржуазные государства.

А если это так, то и демократическая поправка к идее государства - собственника вовсе не дает гарантию в том, что привилегия собственности будет иметь иные проявления, чем привилегия частного собственника в буржуазном обществе. И демократизованное государство-собственник будет стоять перед соблазном эксплуатации. Аргументы Прудона и других противников государственного социализма остаются и здесь в полной силе.

Перед нами остается последний выход: построение общественной системы на принципе сособственности с неопределенным количеством суб'ектов и с вытекающим отсюда требованием постоянного передела. Мы не знаем, можно ли говорить о ней, как о серьезном плане общественного преобразования? Но, если до сей поры находятся люди, ее провозглашающие, то отмахнуться от нее полным молчанием приходится признать шагом неправильным. Нас интересует сейчас эта система, главным образом, с ее нравственной стороны. И, поистине, нравственный суд над ней должен быть весьма строгим. Провозглашаемое ее сторонниками «естественное» право вчинения иска каждому, кто владеет неподобающей долей благ, является ничем иным, как возведением в принцип чувства зависти и ненависти. Общество, в котором каждый, будет следить за другим, — а не имеет ли он больше, чем дозволено, — и каждый будет под вечной угрозой экспроприации, — такое общество будет построено на таком нравственном болоте, при виде которого можно только содрагаться от негодования и ужаса. К тому же подобное общество будет культивировать у себя совсем особый вид эксплуатации — именно, эксплуатацию середняком всех и всякого. Его основным стремлением будет рвать излишки и разрушать таким образом материальное благосостояние каждого сколько нибудь окрепшего и ставшего на свои ноги. Конечно, такое общество всегда будет обществом нищеты, — но не добровольной, а вынужденной. Люди здесь будут нищими или во имя стремления к богатству, или во имя того, чтобы другие не разбогате-

ли. Мы уже не говорим, что вечный передел равносилен вечному террору, вечному хаосу, перманентной революции.

Итак, оказывается, что не только частная собственность, но всякая собственность вообще, во всех ее видах может быть основанием для эксплуатации. Социализация, понятая, как изменение суб'ектов собственности, сама по себе этой эксплоатации не уничтожает. Остается, следовательно, или вообще уничтожить всякую собственность, — что реально неосуществимо (ср. выше, гл. 2), или же принять факт собственности, как мы принимаем факт болезни, и попытаться воздействовать на этот факт в целях нейтрализации его невыгодных последствий. Оправдание порядка частной собственности сводится к тому, что при его наличии дается принципиальная возможность воздействовать на собственников со стороны государства, как стоящей над собственностью высшей, нейтральной силы. Проэкты социалистического устройства, как раз эту возможность уничтожают, а когда она ими допускается, социализм сводится к простому видоизменению порядка частной собственности.

Гл. 8. Государственно-частная система хозяйства

Основная ошибка социализма, — ошибка, еще очень слабо осознанная современным социально-политическим сознанием, — заключается в том, что все социалистические проэкты стремятся реформировать частную собственность *путем изменения ее суб'ектов*. Изменение суб'ектов, отчуждение и переход собственности в другие руки, суть явление наиболее часто встречающееся в жизни. И от этих явлений отправляется социализм въ своих планах общественного преобразования или общественной революции. В социализме есть нечто примитивное, некоторая простота сознания, некоторая элементарность. Наиболее грубые формы социализма сводятся просто к теории и практике передела. Наличные суб'екты собственности должны быть экспроприированы, — и собственность должна перейти к другим суб'ектам. При этом в результате передела сохраняется даже старый порядок частной собственности, — только с новыми суб'ектами. Более тонкие виды социализма стремятся особым образом обставить подобное изменение суб'ектов: в результате экспроприации собственность переходит к одному, — индивидуальному или коллективному, — суб'екту, или к неопределенному количеству всех возможных суб'ектов, ко всем и каждому. Таким образом достигается уничтожение частнаго порядка собственности и стоящего над ним публичного порядка государства. Государство уничтожается или, превращаясь в некую единую принудительную организацию, в которой уже нет более сферы частной и публичной, превращаясь в некое *сверхгосударство*, — или же распадаясь на самостоятельные части,

разлагаясь на ряд независимых общин анархического типа. Однако, меняются суб'екты, устанавливаются те или иные последствия этой перемены, *но собственность остается, собственность торжествует.*

Нельзя отрицать хороших намерений социалистов: они борятся с эксплуатацией и угнетением, они хотят уничтожить несправедливость социальнаго неравенства, нищету одних, непомерное богатство других. Но они безпомощны в своей основной задаче: *перемена суб'ектов собственности ничего не может решить, никому не может помочь* *). Она есть паллиатив, а не действительное средство борьбы с социальной несправедливостью. И это вытекает не из каких-либо ошибок социализма, это вытекает из ошибочности основного принципа. Собственность переходит в другие руки, но в тех же существенных чертах, с тем же содержанием, с теми же отрицательными особенностями. Новый собственник рождается на свет с чертами, свойственными старому, а, может быть, и еще с худшими чертами. Внутренняя природа института не изменяется, остается старой, и новое преображенное общество, вместо социального рая, обнаруживает черты старого, иногда еще более ужасного деспотизма.

Чтобы достигнуть истинного и плодотворного преобразования института собственности, нужно стремиться не к изменению суб'ектов, но к изменению самой природы института. Это значит, что следует начать как раз с пути, противоположного социализму. Нужно начать с преобразования собственности, как правоотношения, нужно перейти к преобразованию содержания собственности и к пересмотру вопроса об отношении суб'екта собственности к об'ектам. И только в последнюю очередь может быть поставлен вопрос о суб'ектах собственности. Только этот путь способен действительно преобразовать общество и создать реальные условия для успешной борьбы с эксплуатацией и угнетением.

Общее направление пути, которому должно следовать это преобразование собственности, можно выразить в следующей отрицатель-

---

*) Нельзя не отметить, что сознание этой простой истины постепенно проникает в головы современных социалистов. Ср. А. Пешехонов, Опыт национализации «Воля России», 1927, XII-I, стр. 100: «Самое понимание социализма должно измениться. Да, мы, раньше думали, что все дело в том лишь, чтобы «экспроприировать экспроприаторов», чтобы сделать средства и орудия производства общественной собственностью. Большевики экспроприировали экспроприаторов и сделали общественной собственностью не только средства призводства, но и предметы домашнего обихода. В результате получился ужас. Но затем опытным путем они пошли на другую дорогу, и мы начинаем понимать, что центр тяжести не в собственности, а в управлении народным хозяйством». — В. Сухомлин в той же «Воле России» (1927, II, стр. 142) задачи русского социализма сводит в ближайшее время к тому, чтобы «помешать широкому разливу хищнической капиталистической стихии.» «Государство должно ввести эту стихию в твердые рамки».

ной формуле, характеризующей существо преобразованного общества: *ни капитализм, ни социализм!* Формула эта в положительном выражении требует построения системы, которую можно назвать *системой государственно-частного хозяйства.*

Раскрывая внутреннее содержание этой формулы, мы приходим к следующим выводам, необходимость которых обоснована внутренней логикой изучаемых под именем собственности явлений:

А). Мы говорили уже, что собственность есть некоторое правоотношение всеобщей природы (ср. гл. 2). Характеризуя ближе это правоотношение, мы установили два вида собственности: собственность абсолютную и относительную (ср. гл. 4). Всеобщность природы собственности означает, что праву собственника соответствует обязанность всякого другого лица, всех людей вообще, терпеть это право и не мешать его использованию. Однако, можно мыслить это отношение строго односторонним: право собственника, с одной стороны, обязанность всякого другого, с другой. Но можно мыслить отношение это и двусторонним: на собственнике лежат права, но в то же время на нем лежат и обязанности; на всяком другом лице лежат обязанности, но в то же время и права. Права ограничиваются обязанностями, получается их взаимная связь; право собственника становится связанным и связанной становится обязанность общества. Это и есть относительная (или функциональная) собственность, устанавливающая особое отношение между общественным целым и суб'ектом права собственности.

При абсолютной собственности общество имеет по отношению к собственнику только отрицательные обязанности: терпеть, не вторгаться, воздерживаться от вмешательства. При относительной собственности общество приобретает по отношению к собственнику некоторую положительную миссию. При абсолютной собственности собственник живет в обществе, как на необитаемом острове. При относительной общество живет в его собственности и собственность эта живет жизнью общества.

Иными словами, преобразование частной собственности, как правоотношения, должно сводиться прежде всего к преобразованию ее отношения к государству. В Европе отношение это претерпело исторически следующие стадии развития. Эпоха феодализма, которая предшествовала современной капиталистической цивилизации, была построена на широком признании института частной собственности, однако, в ее относительном и чисто конкретном понимании. Феодальное общество знало целую серию различных суб'ектов собственности, (главным образом, земельной), права которых были различны. Юристы феодальной эпохи такими суб'ектами считали народ, короля, феодальных сеньеров и, наконец, самих владельцев земли *). Феодальное право приписывало одним суб'ектам так называемое dominium emi-

*) Ср. H. H a y e m, Essai sur le droit de propriété et ses limites, Paris, 1910, стр. 100.

nens или dominium directum, другим — dominium utile. Король имел dominium eminens, поскольку он обладал правом конечнаго распоряжения всеми благами в государстве. Dominium eminens имел и любой сеньер, поскольку его права возвышались над правами любого вассала. Над собственностью, таким образом, тяготела иерархия прав различных суб'ектов, собственность была условной, иногда почти переходила в узуфрукт. Составляющее содержание собственности право господства было разделено между несколькими суб'ектами, — органическими членами постепенно возвышающейся феодальной иерархии. Один из критиков феодальных порядков насчитал таким образом целых восемь «собственников», тяготевших над одним участком земли во Франции *). Очень трудно было сказать, кто же при таких условиях был действительным «собственником»? Сеньер - ли, который обладал dominium eminens, или фактический владелец участка земли? Феодальные юристы много спорили о суб'ектах собственнности феодальнаго права. Одни признавали dominium directum за королем, другие за владельцами земли. Отношения собственности были условными, конкретными и в то же время чрезвычайно запутанными.

Феодальная собственность с ее многими суб'ектами была менее всего собтвенностью какого - либо коллективного, юридического лица; в то же время она и не была собственностью с неопределенным количеством суб'ектов. Поэтому феодальную собственность ни в каком смысле нельзя назвать «социалистической» **). Ближе всего она подходит к типу сособственности с определенным количеством суб'ектов — и даже иногда так и называли (co-propriété). Однако, дело усложнялось здесь тем, что сособственники в феодальном обществе были также носителями публичной власти. Dominium eminens не только давало право использовать об'ект в своих, хозяйских, коммерческих интересах, но и давало право на власть и над подлежащим об'ектом и над суб'ектами dominii utilis, над ленными владельцами. Верховный собственник был одновременно землевладельцем-коммерсантом и носителем публичной власти. Таким образом, в феодальном обществе были смешаны функции частные и публичные, право господской власти не различалось от прав ,власти построенной на началах общественнаго служения. Это являлось показателем недоразвитости, недостаточной дифференцированности феодальнаго общества и служило одной из основ его превращения в общество «буржуазное», капиталистическое.

Уже в эпоху образования западных европейских монархий началась зарождаться глубокая критика феодальных представлений о

*) Ср. «Les inconvennients des droits féodaux», 1776, цитировано у Hayem, L. c., стр. 161.

**) Что совершенно не понимает С. И. Гессен, полагающий, что возврат к «ленной» собственности означает «социализацию» общества. См. «Проблема правового социализма,» Совр. Зап.», кн. 27-30.

собственности. В публицистике XVII в. на Западе был поставлен очень определенно вопрос о том, есть ли, так называемое, dominium eminens *право собственности,* или же оно есть какое-то особое публичное право властвования, — imperium, а не dominium. И юристы названной эпохи довольно точно определили отличие собственности от права публичной власти, принадлежащей государству *). Собственность, говорили они, есть право полного распоряжения материальными вещами публичная же власть есть право распоряжения лицами. Непосредственным об'ектом собственности является вещь, а непосредственным об'ектом публичной власти является человек, подданный государства и гражданин, — и только косвенно государственная власть может распоряжаться вещами, принадлежащими гражданам. Поэтому, целью государственной власти является не простое использованіе об'екта, но сохранение общественного целого, связанное с благом подданных; целью же собственника является простое пользование об'ектом **). Привлекая в свои рассуждения популярные в то время теории естественного права, публицисты XVII вѣка утверждали, что право собственности было установлено Богом в раю, в известных словах: населяйте землю и господствуйте над нею. Но в момент этого установления еще не было никакой государственной власти. Итак, собственность не принадлежит государству, ибо это последнее не создало собственников, а *нашло их* уже существующими по божественному изволению. Теория эта постепенно начала преобладать к эпохе крушения феодального строя. Утверждению ее весьма содействовали учения естественного права, формулировавшие новые, противоположные феодальному праву правовые принципы, и французская революция, фактически освободившая собственность от лежащих на ней феодальных тягот. Теория эта была оффициально признана французским законодательством в «Code civil», Наполеона. «Гражданам принадлежит собственность, суверену — государственная власть (l'Empire); такова максима, годная для всех стран и всех народов» — учили творцы наполеоновского законодательства. «Понятие dominium. eminens означает только право публичной власти регулировать распределение благами при помощи гражданских законов, облагать эти блага соответсттвующими общественным нуждам налогами и располагать этими благами для общественной пользы, не посягая на право частных собственников». «Государственная власть, принадлежащая суверену, не включает в себя идеи собственности в точном смысле этого слова. Она состоит только в праве управления. Она сводится к праву предписывать и упорядочивать в целях общего блага и, следовательно, управлять вещами и

*) Напр., W. L e i s e r, Dissertatio pro imperio contra dominium eminens, Wittembergae, 1673. Сочинение это направлено против J. Fr. H o r n, Politicorum pars architectonica. De civitate, Lib. II, Cap. 4: «De dominio eminente».

**) Цит. книга L e i s e r'a, §11.

лицами. Она касается свободного поведения граждан только в том случае, когда они нарушают общественный порядок *). Как видно, право imperium-а есть право с преимущественно отрицательным содержанием. Теория imperium-а снимает с плеч государства какие-либо положительные функции. Государство должно оставаться пассивным за исключением тех случаев, когда оно нуждается в деньгах, когда частные лица вступают в столкновения и когда какие-либо непреодолимые обстоятельства заставляют его выйти из этого состояния пассивности. Это есть теория либерального государства классического типа, программу которого и декларировало законодательство Наполеона. Таким образом, феодальная собственность была тягловой, на ней лежали бесконечные тяжести; послереволюционная собственность была об'явлена *абсолютно свободной*. Феодальная собственности была не только институтом частным, но и публичным; послереволюционная собственность точно формулировала права публичной власти, отделила их от прав собственника и превратила собственность в институт частнаго права.

Преобразование капиталистической собственности можно мыслить двумя путями: 1). в виде возвращения к собственности феодальной; 2). в виде преобразования самой идеи, публичной власти (imperium) из чисто отрицательной в положительную **). Первый путь был бы путем чистой реставрации, второй — путем восхождения института от нисшей ступени на ступень высшую, еще намеченную только историей, но вполне не реализованную. Ранее, чем обсуждать вопрос о преимуществах того и другого пути, небез'интересно остановиться на характеристике воззрений, развиваемых по данному вопросу современными социальными реформаторами несоциалистического или полу-социалистического толка. Надо сказать, что воззрения эти, как мы сейчас убедимся, отличаются значительной путаницей понятий и отсутствием точной формулировки проблем, имеющих для нас основоположное значение.

В первую очередь нужно назвать выдающегося экономиста, Отмара Шпана, который, один из первых, провозгласил в своей книге «Истинное государство» возвращение к феодализму и к институту

*) Слова Portalis'a, цитированные у Hayem, L. c., стр. 264.

**) Как следует из предшествующего изложения, мы исключаем третий путь, социалистический, критике которого было посвящено все предшестьующее изложение. Принципиально на этом третьем пути стоит L. Duguit, Les transformations generales du droit privé, 1912. В книге этой приведены многочисленные примеры, указывающие , что идея абсолютной собственности совершенно изжила себя в течение XIX и первой четверти XX века. Дюги полагает, что этот процесс изживания есть процес социализации, между тем все, приведенные Дюги факты свидетельствует, что названный процесс есть исключительно процесс преобразования идеи imperium'а. Полемизирующий с Дюги Hayem (ср. вышецитир. книга) склоняется явно к первому пути — к возвращению к феодальным началам.

ленной собственности. Но достаточно внимательно вдуматься в то, что предлагается Шпаном, чтобы убедиться, как зыбки и неточны понятия, которыми он оперирует. «*Частная собственность* не может быть отменена» — говорит он. «*Управление* собственностью» должно быть передано отдельному человеку, но она должна находиться *под надзором,* как стоящих на нижних ступенях общественной пирамиды союзов и сословий, так и государственного целого. Это значит, что будет утвержден порядок собственности *ограниченной сословно и государственно* *). Когда читаешь эти слова, думаешь, что дело идет о преобразовании идеи imperium'а, о наделении его положительными заданиями в области политики, направленной на регулирование отношений собственности; при чем в порядке организации такого *надзора* над собственностью, imperium, разделяется между государством, как централизованной властью, и профессиональными частями государства, которым присваиваются некоторые публичные функции. Однако, Шпанн в своих проектах разумеет нечто совсем иное. Он думает, что в его истинном государстве должна быть восстановлена собственность ленная, причем утверждается это в терминах, свидетельствующих о неразличении автором видов собственности и об их смешении. *Формально* — говорит Шпанн — *остается частная собственность,* по существу же только *общая собственность* (sic!), ибо над частной собтсвенностью отдельного лица будет стоять собственность общественного целого (сословий), над этой последней будет стоять собственность выше стоящих социальных целостностей (сословных об'единений) и еще выше — собственность самого целого, государства. Шпанн полагает, что в таком виде институт собственности приобретает внутренний характер ленного владения. «Собственность принципиально не является здесь собственностью всего общественного целого, но в подлинном смысле этого слова есть лен, т. е. такая собственность, управление которой в интересах общей пользы должно *подвергаться только воздействию* со стороны выше стоящей общественной собственности, но не являться предметом *непосредственного управления* со стороны общественного целого» **). Другими словами, по замыслу Шпанна, это есть порядок, ближе всего похожий на феодальный строй. Но позволительно спросить, сохранится ли в таком порядке и свойственное феодализму смешение частного права с правом публичным? Будет ли, таким образом, какое-либо сословие «истинного государства», например, рабочие какого-либо цеха, одновременно и *хозяином* средств производства, и *носителем публичной власти?* Так что, подобно феодальному землевладельцу, цех будет коммерчески и хозяйски применять принадлежащие ему в порядке dominium eminens об'екты и в то же время господствовать над использующими об'екты ленными владельцами, т. е. отдельными мастерами, собственниками мастерских? Повидимому Шпанн

*) O. Spann. Der wahre Staat, 1922, стр.
**) Ibid.

менее всего разделяет эту мысль. Для него, ведь, как мы видим, ленные отношения сводятся не к непосредственному управлению об'ектами, а только к *воздействию* на частных собственников. Для него ленное отношение имеет две стороны — сторону общего блага, которому должна служить собственность, и частного интереса, на основании которого фактический собственник использует вещь. Другими словами, dominium eminens преследует только публичные функции, а не одновременно публичные и частные, государственные и хозяйские. Цех будущего государства, стало быть, — *не хозяин и не коммерсант*. Так чем же такое *не хозяйское* право распоряжения, — право господства не над об'ектами собственности, а скорее над самими хозяевами, над суб'ектами, — чем же оно отличается от imperium'а? Пожалуй, к нему это последнее название подходит гораздо ближе, чем названия лена и феода? Точнаго ответа на этот вопрос у Шпанна найти нельзя, но совершенно ясно, что его ленная собственность не вполне похожа на феодальный лен, а призывы его к феодализму суть не призывы к полной реставрации средневековья, но имеют в виду преобразование публичной власти в смысле наделения ее положительными функциями.

Гораздо яснее поставлен вопрос у некоторых представителей гильдейского социализма. Для них преобразование капиталистического строя просто сводится к преобразованию отношения государственной власти к институту собственности, след., к преобразованию imperium'а. Так, один из гильдейцев, Пенти, в своем сочинении, посвященном проблемам христианской социологии, прямо требует в будущем строе сохранения частной собственности, но в других отношениях к государству. «Я убежден», — говорит он — «что правильное решение проблемы собственности сводится не к уничтожению собственности частной, но к изысканию мероприятий, *направленных к защите общества против злоупотреблений ею*» *). Поэтому он рекомендует *над* частной собственностью воздвигнуть контроль гильдий и государства. Контроль же этот не есть введение феодальной собственности, но преобразование прав imperium'а в двух направлениях, — во-первых, в направлении наделения государства положительными функциями и, во-вторых, в распределении этих функций между центром и социальной периферией, т. е. в организации известной автономии контроля, принадлежащей профессиональным союзам или гильдиям.

Уже самые общие соображения могли бы убедить, что полная реставрация феодальных отношений является делом не возможным и не целесообразным. Развитие институтов не должно итти путем сплошного отрицания тех несомненных приобретений, которые они сделали на прошедших своих ступенях. Капиталистическая собственность была отрицанием собственности феодальной, — и в этом отношении

*) Penty, Auf dem Wege zu einer christlichen Soziologie 1924, aus dem engl., ubersetzt vom Eccius, стр. 142.

институт собственности не подвергся искажению и обнищанию, но обогатился приобретением некоторых новых, правда, односторонне развитых своих сторон. В формах капиталистической собственности нельзя не видеть *некоторых приобретений,* которые следует не отрицать, а, по возможности, сохранить. Мы говорили уже, что феодальная собственность была непомерно отягчена и требовала освобождения. Отягченность ее проистекала не столько от давления государственной власти, которая часто была очень слабой, сколько от давления *хозяйских прав* феодала на *хозяйские права* вассала. Хозяйские права были в то время и правами публичными, собственность давала власть не только над об'ектами, но и над людьми. Это слияние частной сферы с государственной доставляло удобнейшую почву для социальной эксплуатации всякого рода. Феодальное общество с точки зрения социальной было обществом *крепостным,* т. е. таким, которое юридически легализировало эксплуатацию и угнетение. Капитализм стал разрушать феодальное общество во имя свободы. Он раскрепостил феодальный строй, об'явил свободу собственников и отделил хозяйское право от публичной власти. Это были его приобретения, которые в то же время имели обратную сторону: капиталистическое общество наряду с свободными собственниками породило миллионы свободных, но неимущих пролетариев. Оно разорвало органическую связь последних с процессом производства, превратило труд, этот главнейший производственный фактор, в ничего незначущий юридически придаток производственного процесса. Нелепо было бы стремиться к преобразованию этих отрицательных сторон капитализма путем полного восстановления феодальной собственности. Это значило бы снова нагромоздить власть одних хозяев над другими, придав этой власти в то же время публичный характер. Это значило бы, например, в земельных отношениях, что существовали бы частные собственники — землевладельцы или земледельческие коммуны, непосредственно возделывающие землю (dominium utile) . Над ними возвышалась бы собственность их об'единений — профессиональных или территориальных. Союз огородников был бы собственником каждого из огородников в отдельности. Земля данной волости принадлежала бы не только землевладельцам, но и волости в целом. Союз огородников или волость имели бы хозяйские интересы в использовании земли и в то же время были носителями публичной власти. Стоит только конкретно представить этот порядок, чтобы убедиться в его чрезвычайной обременительности и неудобствах. Свобода собственника в нем была бы не только ограничена, но и уничтожена постоянным вторжением хозяйской власти того, кто является суб'ектом dominii eminentis. Трудно было сказать, кто же действительно владеет вещью, что делало бы невозможным оборот и обмен. А главное, нижние этажи ленных собственников просто стали бы крепостными. Наивно думать, что такая система сколько-нибудь разрешает проблему эксплуатации и угнетения и является, следовательно, более

приемлемой, чем капитализм. Преимущества капитализма должны быть сохранены, частная собственность не может быть обременена хозяйскими тяготами других суб'ектов, должна быть удержана система разграничения частных прав и публичной власти. Дело может итти только о том, чтобы дать публичной власти новое содержание.

Проблема преобразования современного социального строя и сводится в конце концов к новому пониманию миссии государства. Буржуазное государство уже сошло с точки зрения того полного безразличия, которое было усвоено им под влиянием принципов либерализма. Процесс этот нуждается в заострении и в систематизации. Государство, если оно вообще существует и должно существовать, всегда останется организацией властной. Ему всегда будут присущи, следовательно, задачи *народоводительства* *), которые для властного союза и являются главными. А если государство призвано водительствовать, оно должно наперед сказать: *куда и зачем?* Оно наперед должно отказаться от безразличия и формулировать положительную программу своей деятельности. И так везде — в религии, нравственности, образовании, внешней политике, санитарном деле — и, стало быть, также и в отношении и частной собственности. Нужно понять, наконец, что так поступает каждое государство и иначе не может поступать. Государство, которое считает религию положительной ценностью, не может не выявить своего отрицательного отношения к антирелигиозной пропаганде; государство, не ставящее себя «по ту сторону» вопросов добра и зла, не может быть безразличным к ряду безнравственных деяний; государство, осуществляющее известную, осознанную культурную миссию, не может быть безразличным к системе народного образования. Но, подобно всему этому, государство не может быть безразличным по отношению и к частному собственнику. Государство знает, что частная собственность, особенно на некоторые об'екты, есть привилегия. Отказавшись от системы равенства, государство не будет истреблять привилегию, но и не станет к ней в отношение безразличное. Кому много дано, с того много и спросится. Привилегия обязывает, привилегия создает ответственность. Государство должно не только регулировать порядок частной собственности, но оно призвано также сказать частному собственнику: если имеешь привилегию, хозяйствуй хорошо, располагай правами не во вред, а в общую пользу **).

---

*) По удачному выражению П. П. Сувчинского.

**) Является вопрос, не есть-ли предлагаемый нами путь некий исконний путь России? Повидимому, так называемый «русский феодадализм», в отличие от феодализма западного, построен был искони на отличии dominium'а от imperium'а и сводился к наделению публичной власти положительной миссией. Здесь можно сослаться на мнение П. Н. Милюкова того периода, когда его еще не окончательно заела партийность и когда он жил в более благоприятном окружении. По мнению Милюкова, «отделение земельного верховенства, от феодального подчинения есть именно тот нормальный по-

Эти положительные требования государства по адресу собственников не суть права, в свою очередь вытекающие из высшей собственности государства, не есть следствия dominii eminentis. Нужно точно уяснить, что право публичной власти есть совершенно особый по сравнению с собственностью институт. Институт этот отличается от собственности по всем основным категориям: 1) суб'ектом этих прав является социальное целое, как некое особое лицо, стоящее *над* частно-правовыми суб'ектами; и даже, когда само социальное целое выступает, как суб'ект частно-правовой (собственник фабрики), оно уравнивает свою частную деятельность с деятельностью других частных суб'ектов, помещая себя под своей собственной властью, ограничивает себя в правах обще-гражданскими законами; 2) об'ектом названных прав являются не об'екты собственности частных лиц, но сами эти частные собственники, сами суб'екты; названные публичные права власти суть, следовательно, права распоряжения *над лицами,* а не над вещами; 3) содержанием прав публичного властвования является господство и распоряжение не в хозяйском, а в социально-служебном смысле этого слова; названные права являются, следовательно, истечением принципа нейтральности государства, как организации, возвышающейся над противоречивыми интересами частных лиц, физических и коллективных; 4) наконец, правоотношение, соответствующее правам властвования, воплощается в том организованном общественном целом, которое именуется государством; правоотношение это сходно с правоотношением собственности, так как, подобно последнему, связывает всех и каждого, является универсальным; но в отношениях собственности «все и каждый» являются неопределенной суммой ничем не связанных единиц; в данном же случае «все и каждый» становятся членами единого, организованного властного коллектива; таково государство, мыслимое как совокупность исторических поколений граждан, умерших и неродившихся, — как единый народ или организованная совокупность народов.

Таким образом, власть, вытекающая из dominium eminens, есть власть общества феодального; власть, вытекающая из imperium, наделенного только отрицательно миссией, есть власть капиталистически-либерального государства; власть, вытекающая из imperium'а с положительной миссией есть власть государства, осуществляющего государственно-частную систему хозяйства.

Б). Преобразование *содержания* института собственности имеет две

рядок, который составляет глубокую черту различия между русским феодализмом и западным». Те же черты, впрочем, Милюков усматривает в византийской пронии и в мусульманском иктахе. Если бы эти мнения Милюкова были правильны, можно было б считать предлагаемую нами программу возвращением к восточным и московским началам. См. Энциклоп. словарь Брокгауза и Эфрона, т. 70, стр. 548-9.

стороны, — юридическую и обще-культурную. Юридическая сторона не представляет каких-либо затруднений. Законодатель должен избегать издания таких юридических норм, которые имели бы в виду регулировать собственность, как абстрактное отношение. Правовая политика должна быть построена на тщательном изучении культурной, социальной и экономической природы тех отношений собственности, которые устанавливаются между различными суб'ектами и различными об'ектами, — и в зависимости от роли и особого положения этих отношений должны быть изданы различные конкретные законоположения, регулирующие различно ту или иную сторону жизни. Нормы, регулирующие, скажем, государственную собственность не могут быть во всех случаях такими же, как и нормы, регулирующие, скажем, собственность производительных кооперативов или частных земельных собственников. Само собой разумеется, что при этом нельзя дать никаких общих правил такого регулирования: правовая политика действует всегда в конкретной обстановке, от которой зависит то или иное ее направление. Одно — ясно: содержание института собственников не получит еще решительного преобразования от того, что нормы, его регулирующие, из абстрактных станут конкретными. Содержание этого института, как мы видели, сводится к праву господства и распоряжения. Внутреннее существо этого права, самый способ власти собственника, очевидно, зависит не исключительно от юридических норм, но обуславливается обще-культурным содержанием жизни суб'екта собственности, — человека. Характер же власти человека над вещами, самое отношение его к вещам не есть производное юридических норм. Поэтому преодоление капитализма принципиально возможно только в том случае, когда, наряду с законодательством, совершится и преобразование идейных предпосылок жизни. Современная промышленная система преобразуется только в результате преодоления индустриализма, составляющего идейное содержание современных европейских обществ. Самый дух индустриализма должен потерпеть крушение, — и тогда изменятся и принципы, определяющие отношение человека к вещам. А преображение духа, конечно, возможно только путем религиозного и духовного возрождения. Государство может внешне способствовать подобным процессам, но само не в силах их вызвать. Они совершаются в идейных течениях, овладевающих душами людей. Таким течением и является евразийство, которое призывает к устранению капиталистического строя, исходя из утверждения преобладания духовных начал над материальными. Утверждение это оно черпает из глубоких корней православной веры, для которой идеал нестяжательства был всегда идеалом руководящим и высшим (ср. выше, гл. 2) *).

*) Следует подчеркнуть, что нестяжательство не идентично безхозяйственности и что оно может быть соединено с величайим вниманием к вещам, — но не во имя корысти, а во имя заповеди труда, любви к ближнему и к Божьему миру. Возможна система хозяйства, построенного на принципе нестяжательства.

В) Что касается до преобразования института собственности в зависимости от ее об'ектов, то утвержденная нами конкретность института требует, чтобы государственная политика основана была на тщательном признании своеобразия об'ектов, к которым должны применяться те или иные, регулирующие отношения собственности правовые нормы. Подробное различие этих об'ектов и сообразных им юридических норм не может быть предметом отвлеченного исследования. Своеобразие об'ектов устанавливается живым опытом, извлеченным из конкретных условий социально-экономической жизни. Мы вступаем, таким образом, в этой точке нашего изложения в сферу законодательной практики, которая всегда должна быть обусловлена соображениями места и времени. Чтобы изложение наше было плодотворным, мы попытаемся перевести его здесь на живую почву определенной исторической действительности, приурочить к современным требованиям советского государства. Мы попытаемся в самых общих чертах наметить те категории об'ектов, которые имеют особое значение в современной жизни и которые в первую очередь должен иметь в виду политик, принявший в основе предшествующие наши рассуждения и поставленный перед сложной задачей ликвидации коммунистического наследства.

1). Наибольшей, пожалуй, специфичностью по сравнению со всеми другими об'ектами собственности является *земля*. В отличие от других об'ектов она — единственна и невосстановима. Землю нельзя вновь произвести, как всякое другое орудие производства, ее, в некоторых отношениях, можно только поддерживать в известном состоянии, не истощая и не расхищая. Земля есть основной плацдарм, на котором происходит история государства, она есть необходимое естественное условие государственной жизни. Все это вместе не может не поставить законодателя в необходимость относиться к проблеме земельной собственности с особой осторожностью, диктуемой чрезвычайно ярко выраженными особенностями земли, как об'екта права. К земле более всего неприменимы представления о неограниченной власти собственника и о полном невмешательстве в земельную политику государства. Земля есть как раз такой об'ект, который требует нарочитого государственного вмешательства. Хотя буржуазная наука и не считает землю об'ектом власти государства, но только границей власти над подданными, однако, и среди буржуазных юристов нередко можно встретить взгляд, указывающий на полное признание специфичности того об'екта права, который именуется землей. Особенно признание это чувствуется, когда дело идет об особых родах земли — о землях, богатых минералами, о лесах и т. п. Собственников подобных, квалифицированных, земель справедливо считают лицами, владеющими на основании *фидеикомисса* всей нации. Но представления эти следует распространить на землю вообще, владение которой является по природе своей иным, чем владение платьем или деньгами. Здесь и открывается положительный смысл тех мероприятий, которые именуются *национализацией земли*. Национализацию эту обычно смешивают

с социализацией, тогда как их нужно строго различать. Социализация земли означает превозглашение государства, большим индивидуальным, или коллективным земельным собственником; напротив того, национализация земли есть ничто иное, как утверждение права государства на регулирование тех отношений, которые возникают из факта частной собственности на землю. Главными моментами такого регулирования является распределение земельной ренты и активная государственная политика в направлении интенсификации земледелия. В таком понимании национализация земли совершенно соединима с частной земельной собственностью и даже ее предполагает, что между прочим вполне понимали многие сторонники национализации, в частности Генри Джордж.

Национализация земли не отрицает и свободы земельного оборота, мобилизации земельной собственности, права заклада земли и т. п., однако, ставит все эти отношения под контроль публичной власти. Одним словом, национализация земли означает расширение прав imperium'а (ср. выше), а не превращение государства в земельного собственника.

Прилагая эти общие положения к конкретным задачам русской земельной политики, следует со всей настоятельностью подчеркнуть, что полная отмена принципа национализации земли была бы мерой не положительной, а чисто отрицательной. Русская аграрная политика должна освободиться от наследия социализма, а не от принципов национализации, совершенно справедливо утверждающих особое положение земли, как об'екта права и требующих по отношению к этому об'екту особых государственных мер. Отсюда становится ясной и будущая программа демобилизации коммунистического наследства в области аграрного вопроса.

Мы уже имели случай в общих чертах познакомиться с историей советского законодательства о земле. В теперешней стадии этого законодательства земля является собственностью государства. Но можно спросить: какого? Советская республика является государством федеральным, в котором есть целое (Союз) и части разной юридической природы — республики союзные, автономные, затем, автономные области, и, наконец, административные части республик, области, округа, губернии и т. д. Кому же принадлежит собственность на землю в этом сложном федеративном целом, — Союзу или союзным республикам, или еще более мелким частям? Вопрос этот не является простым теоретическим измышлением, напротив, он поставлен практической жизнью самого советского государства при составлении и обсуждении проэкта новейшего земельного кодекса. Проэкт, как известно, исходил от союзных властей, которым по конституции присвоено право определять общие принципы земельной политики. Но значит ли это, что Союз имеет *право собственности* на всю территорию республики? Проэкт довольно тщательно старался затушевать этот вопрос, но он всплыл при обсуждении. Автономисты стали говорить, что Союз не

имеет права собственности на территорию: право государственной собственности принадлежит союзным республикам. Централисты утверждали обратное и требовали, чтобы новый законопроэкт просто декларировал право собственности Союза на территорию. Наконец, появилось даже и понятие imperium'а, как особой категории государственного права. Контр-проэкт, составленный правительством Белорусской союзной республики пришел к следующим различиям: 1) земля, как категория государственного права; 2). земля, как категория земельного права. К чему сводится содержание первого права — в Белорусском проэкте не выяснено. Что касается второго, то он предлагает следующую норму: «Вся земля, входящая в состав территории Союза, составляет в пределах каждой союзной республики *государственную собственность этой республики...*». Кроме этого проэкт признает еще какое то особое «право» Союза на землю, как на «категорию земельного права». Об'ем этого права Союза на землю, по мнению авторов проэкта, должен быть точно регламентирован.

Получается в высшей степени запутанная картина, которую необходимо раз'яснить в момент демобилизации коммунизма. И последовательное раз'яснение этой путаницы возможно при следующих предположениях. Во-первых, можно стать на точку зрения чисто капиталистической частной собственности на землю с признанием за государством права на imperium в его отрицательном понимании. Землею распоряжаются исключительно собственники, государство берет налоги и охраняет неприкосновенность собственников. Территория, с точки зрения государственного права, является неотчуждаемой и неделимой, как учит об этом классическая конституционная теория (со времени Фрикера и Незабитовского). Во-вторых, можно начать нагромождать одну собственность на другую, как при феодализме: собственность Союза — dominium eminens — будет висеть над собственностью союзных республик, эта последняя — над собственностью автономных республик и т. д.; внизу пирамиды будут стоять условные владельцы, вроде крепостных. В третьих, наконец, остается система, последняя, нами предлагаемая; imperium наделяется положительными заданиями — и это есть верховное право Союза на землю в смысле определения общих начал землепользования и землеустройства. Вследствие федеральной структуры imperium делится между Союзом и его членами — это и будет право членов Союза на автономное развитие общих начал землеустройства на своей территории. Деление это может пройти и еще ниже, выражаясь в признании за отдельными административными частями республик частичной автономии в области местного землеустройства. Вместе с тем *возстанавливается право частной собственности на землю.* Собственниками могут быть отдельные лица, семьи, общины, сельско-хозяйственные коммуны, наконец, само государство. Imperium осуществляется *над* частными собственниками, т. е. государство ведет активную земельную политику. Этой последней

программы и придерживаются евразийцы. Они исходят «из исконных воззрений народов России-Евразии на землю, как на об'ект, конечное распоряжение которым принадлежит всему общественному целому. Интересы же общественного целого, связанные с развитием производительных сил, требуют установления личной собственности на землю в функциональном понимании этой собственности.

Таким образом, евразийская земельная программа не признает социализации земли ни в каком из ее видов. Если понимать под *национализацией* земли утверждение активной аграрной политики с принципиальным признанием права государства на часть земельной ренты, то евразийцы ничего не имеют против такой национализации. В таком понимании национализация (как это было у Г. Джорджа) ничего не имеет общего с социализмом и всецело допускает институт частной собственности. В указанном смысле понятие национализации земли всецело совпадает с идеей imperium'а, наделенного положительными функциями.

2) Трудно выработать какие либо общие нормы для собственности на другие «орудия производства» (кроме земли), т. е. на средства труда (или предметы или комплексы предметов, которые рабочий ставит между собой и обрабатываемым материалом) и на предметы труда (сам обрабатываемый материал). По своей природе некоторые из них должны стоять под особым наблюдением государства (каменный уголь, нефть и т. п.); другие же, поскольку они вновь производимы, заслуживают меньшего внимания, чем земля и ее недра. Если рассматривать теперь эти об'екты в конкретной ситуации современного советского правопорядка, то, в отличие от земли, принцип национализации равносилен здесь социализации в смысле огосударствления. Земля в Советской Росии, за исключением совхозов, находится в пользовании отдельных лиц, семей и общин. Другие средства производства, особенно же фабрики и заводы, находятся в пользовании самого государства. Поэтому вопрос о ликвидации коммунистического наследства в означенной области прежде всего должен натолкнуться на факт государственной промышленности и стать к этому факту в то или иное принципиальное отношение. Отношение это всецело определяется изложенными выше соображениями о преобразовании института собственности. Мы подчеркивали, что реформа собственности еще не достигается переменой суб'ектов. Поэтому мы возражали против принципиального значения социалистической экспроприации частных собственников. И в то же время мы не можем не выдвинуть того же аргумента и против сторонников экспроприации государства. В Советской России промышленность огосударствлена, следует ли из этого, что нужно лишать государство собственности, так как в свое время лишили собственности буржуазию? Кто выставит это требование, — а такие люди ныне находяться нередко, — тот повторит «наизнанку» многие ошибки социалистов. Такое требование не есть стремление к преобразованию, но к простому возвращению утраченной собственности,

без всякого рассуждения о влиянии такого возвращения, буде оно состоится, на само общественное целое, — на обще-хозяйственные интересы России-Евразии. Государственная промышленность стоила громадных затрат со стороны государства, и интересы его не могут быть игнорированы. Кроме того, государственная промышленность обладает рядом недостатков, но в ней есть и достоинства. Государственное хозяйство в некоторых областях экономической жизни вполне показало свою жизнеспособность (например, железные дороги). Нет никаких оснований отрицать, что достоинства государственного хозяйства обнаруживаются и в других областях, тем более, что организация государственного хозяйства в России «теснейшим образом связана с совокупностью русских условий и выражает собою необходимости русского месторазвития». Россия-Евразия, «как сухопутный массив», затрудняет «проявления конкурренции» и выдвигает силою вещей «начало монополии». Поэтому и весь современный «коммунистический» хозяйственный строй позволительно рассматривать, как «заострение и сгущение черт торгового, промышленного и земельного уклада, наблюдавшихся и в Киевской и в Московской Руси и в императорской России». Современная Россия требует не «экспроприации» государства, но создания тех условий, которые могли бы обезвреживать отрицательные стороны, присущие государственной промышленности, — и, главное, коммунистическому режиму, решительно отрицающему преимущества порядка частной собственности (ср. выше). В современной России, «наряду с существующей и имеющей развиться государственной промышленностью, должна быть *создана соразмерная ей частная промышленность* такого же охвата». Существование и возможное соревнование этих двух промышленностей создает наиболее благоприятные условия для быстрого развития производительных сил.

3) Совсем особо стоит вопрос о собственности на обработанный в процессе производства материал. Это есть проблема приобретения собственности, — проблема, которая менее всего разрабатывается юристами и политиками права. Система капитализма вся построена на определенных способах такого приобретения, глубоко вошедших в жизнь и считающихся, как бы социальными аксиомами. Юристы формулируют наиболее существенную из этих аксиом в следующих выражениях: «если собственник первоначальной вещи сам изготовил новую вещь, то, конечно, права собственности на эту новую вещь принадлежат ему же. *То же самое следует допустить в том случае, если спецификант действовал по поручению собственника перерабатываемой вещи*.*) На второй части этой аксиомы юридически базируется весь современный капиталистический уклад. Предприниматель есть собственник орудий труда и обрабатываемого материала. Он «поручает» рабочим

*) Д. Д. Гримм, Лекции по догме римского права, Киев, 1919, стр. 126.

перерабатывать этот материал. Рабочий — простой спецификант; собственность на продукт труда принадлежит не ему, а предпринимателю.

Догма эта никогда не была предметом особого исследования: ее просто признавали, как самоочевидную, не ставя вопроса о ее значимости. Юристы исследовали другой, менее принципиальный вопрос — вопрос о том, кому принадлежит вещь, переработанная из чужого материала *без поручения собственника.* Одна школа римских юристов (сабинианцы) признавала собственником новой вещи собственника материала. Другая (прокулеанцы) признавала собственником новой вещи спецификанта. Разногласия эти об'ясняются тем, что первые опирались на учение стоиков, по которому главное значение в вещах имела материя, а не форма (в данном случае оформляющий труд), а вторые следовали Аристотелю, признающему более существенное значение формы перед материалом. Во всяком случае в учении прокулеанцев было признано принципиальное значение труда в процессе переработки сырого материала, и это учение даже рассматривали, как выражение интересов труда в обществе, вышедшем из стадии натурального хозяйства *).

Особо примечательно то, что правосознание народов России-Евразии никогда не было убеждено в правильности основной аксиомы капитализма: что переработанная вещь исключительно принадлежит собственнику материала. В этом отношении народное правосознание не только было близко к учению прокулеанцев, утверждая, что потраченный труд имеет ценность и должен быть оплачен даже при ошибке (напр., добросовестная запашка чужого поля, как своего), но и шло гораздо далее римских юридических представлений, признавая за всяким трудом самостоятельное юридическое значение. Русскому народу чужд взгляд, что, если вещь не принадлежит обрабатывающему, то труд этого последнего служит для него не основанием права собственности, а обуславливает только вознаграждение, вытекающее не из труда, а из юридической сделки между собственником вещи и работником. Правосознание русского народа так высоко ценит труд, что склонно считать рабочего, как бы собственником в известной доле обработанного им чужого материала **). Это еще не есть социалистическое «право на полный продукт труда», это есть признание за трудом органически существенного значения в производстве.

В противоположность капитализму социалисты декларировали «право на полный продукт труда». Капитализм говорил рабочему устами предпринимателя: «мои деньги, мой капитал, мои машины, мое сырье, моя организация, — получай ту заработную плату, о ко-

*) Sokolovsky, Die Philosophie im Privatrecht, I, §4.

**) Ср. А. Ефименко, Исследование народной жизни, вып. I, Москва, 1884.

торой договорился, и оставайся производству чужим». Социалисты переворачивают эти слова и говорят капиталистам устами рабочего: «мой труд, — стало быть, мой и продукт, уходи с фабрики, как ей посторонний». Другими словами, если капитализм отрицает самостоятельное юридическое значение труда, то социализм склонен отрицать самостоятельное юридическое значение капитала и организационных способностей.*) Система, характеризуемая словами: «ни капитализм, ни социализм» (государственно-частная система хозяйства) должна найти синтез между этими двумя крайностями и на этом синтезе построить законодательство о приобретении права собственности на обработанную материю.

Советское государство национализировало все орудия производства, превратило промышленность из частной в государственную, — но, что самое замечательное, не только не провозгласило социалистического права на полный продукт труда, но даже и не сделало решительных попыток в направлении признания за трудом органического значения в производстве. Оттого коммунистическая система хозяйства выродилась в «капитал - коммунизм» или государственный капитализм. При такой системе государство всецело усвоило норму капиталистического присвоения собственности: собственность на перерабатываемый материал принадлежит собственнику орудий производства и предметов труда. Рабочий при такой системе, подобно рабочему капиталистического общества, является продавцем своих услуг. Советское право в обычном порядке, связывает государственное производство с рабочим посредством особой сделки. Вознаграждение рабочему есть результат этой сделки, а не принципиального признания труда, как особого правового начала. Система эта в конечном счете ведет к той эксплоатации рабочего, как и при капитализме. Российское коммунистическое государство говорит рабочему: «мои средства производства, орудия, машины, сырье, моя организация, — ты случайный элемент в производственном процессе, отработал, получай по условию и иди домой».

Демобилизация современных форм государственного капитализма в Советской России должна итти в направлении признания труда органическим элементом производственного процесса. Капиталистические формы приобретения собственности на обработанный материал должны быть решительно отвергнуты, — все равно, утверждаются ли они частным предпринимателем или капитал - коммунизмом. Труд должен быть возведен на место самостоятельного принципа при приобретении собственности. Это можно достигнуть тремя путями: а) Путем утверждения «национализации» производства в смысле наделенного положительными функциями imperium'a. Государство приобретает тем самим право на долю предпринимател-

*) Примеры, иллюстрирующие это положение, можно найти у A. Menger, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, 2-te Aufl., 1891

ского дохода, — с тем, чтобы возвращать эту ренту трудящимся. б) Путем организации участия трудящихся в управлении производственным процессом. Дело здесь идет не столько о «рабочем контроле» — контроль всегда есть функция отрицательная, обнаруживающая при некоторых условиях разорванность между предпринимателем и рабочим; дело идет о прямом привлечении наиболее выдающихся представителей труда к распорядительным функциям в производстве, о вхождении их в администрацию. в) Путем создания прямой заинтересованности рабочих в производственном процессе. Это достигается привлечением рабочих к участию в прибылях, превращением в акционеров заводов и фабрик.

4) Выделяя таким образом землю, орудия труда производимый продукт, как особые категории об'ектов собственности, нуждающихся в особом регулировании, мы в то же время вполне признаем, что ряд других об'ектов, такого регулирования не требует и может быть подведен под общие юридические нормы, утверждающие собственность как институт абстрактный. Мы уже говорили, что абстрактность эта облегчает экономический оборот, делая из отношений собственности известный шаблон. Наличность которого создает удобные условия для мены, продажи, покупки, залога и т. п. Там, где такой оборот совместим с требованиями социального интереса, там его вполне может допустить государство. Иными словами, утверждение института собственности, как института конкретного для одной категории об'ектов, не противоречит тому, чтобы институт собственности был абстрактным для других категорий. В этом отношении евразийские принципы правовой политики лишены всякой узости, всякого доктринерства.

Г) Остается, наконец, вопрос о суб'ектах реформированной собственности, — вопрос, решение которого вытекает из всего предшествующего изложения. Здесь нужно высказать общую истину, касающуюся вопроса о суб'ектах собственности в экономической жизни: *чем разнокачественнее эти суб'екты, тем более у хозяйства шансов на успешное развитие.* Орудия производства должны принадлежать, таким образом, и государству, и его частям, и частным обществам, и частным лицам, и трудовым кооперативам или коммунам. Состязание всех их покажет, кто более способен к жизни и заставит каждого напрягать все возможные усилия для обеспечения своего существования. Активная политика государства в очередной области и должна быть направлена на создание наиболее благоприятных условий для развития наиболее качественно разнообразных собственников в области промышленности.

Осуществление всех названных в этой главе мероприятий приведет к социальному строю, характеризуемому формулой: государственно-частная система хозяйства. Близоруко было бы недооценивать громадного идейного значения этой формулы, находящей живой отклик в современной России. В настоящее время завелось не мало проро-

ков российского капитализма. Пророчествуют они более по злорадству, чем по искреннему желанию добра будущей России. В России произведен был грандиозный опыт введения коммунистического строя, — опыт не удавшийся и ведущий к тому, что он хотел уничтожить, — к капитализму. Поражая неудачливых экспериментаторов, приятно их уколоть тем, что они ведут Россию «на выучку капитализму». Если слова эти в конце 90-х годов прошлого столетия звучали грубо и цинично, то теперь звучат они еще и зло. Идите во власть «чумазому», желавшие построить социальный рай! Поделом вам за проекты! И смакуя безплодие истории, особое упоение видят в том, что годы жизни народной прошли бесплодно, что приходится ворочаться подлинно вспять. А где же «идеалы»? Они — впереди... Когда на обломках коммунизма водворится новый капитализм, тогда здание капитализма снова будут разрушать новые социалисты и коммунисты. Замечательный исторический план, напоминающий какой-то скверный анекдот.

Убеждение в отвратимости описанных судеб привело нас к вышеизложенным рассуждениям о собственности, которые и завершаются формулой: государственно-частная система хозяйства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Гл. 1. Постановка вопроса 3

Гл. 2. Существо собственности 6

Гл. 3. Отрицание собственности 18

Гл. 4. Виды собственности 23

Гл. 5. О частной собственности и о видах социализации 30

Гл. 6. Социализация въ теории и практике русских социалистических партий 38

Гл. 7. Противники и защитники частной собственности 49

Гл. 8. Государственно-частная система хозяйства 62

Евразийское Книгоиздательство

основанное в 1923 г. обслуживает **ЕВРАЗИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ**

1) Кн. Н. С. Трубецкой. Европа и Человечество. Изд. 1920 г. (распродано).

2) Исходк Востоку. — Предчувствия и Свершения. Утверждение Евразийцев (распродано).

3) На путях. — Утверждение Евразийцев. Книга вторая. *Содержаніе:* П. Савицкий — Два Мира. А. Карташев — «Реформа, реформация и исполнение Церкви» П. Сувчинский — «Вечный Устой»; «Знамение былого» (О Лескове); «Типы творчества» (памяти Блока). Кн. Н. С. Трубецкой — «Религии Индии и Христанство». Г. В. Флоровский — «О патриотизме праведном и греховном». Кн. Н. С. Трубецкой — «Русская проблема». П. М. Бицилли — «Восток и Запад в истории Старого Света». П. Савицкий — «Степь и Оседлость». Изд. 1922 года. 356 стр. 0.60

4) Евразийский Временник. Книга третья. *Содержание:* П. Савицкий — «Подданство идеи». Кн. Н. С. Трубецкой — «У дверей (Реакция? Революция)». П. Сувчинский — «К преодолению революции». Н. Арсеньев — «Новые Камни». М. Шахматов — «Подвиг власти». П. Сувчинский — «Инобытие русской религиозности». Кн. Н. Трубецкой — «Вавилонская башня и смешение языков». П. Савицкий — «Производительные силы России». Я. Садовский — «Оппонентам евразийства». Изд. 1923 года. 174 ..... 0.70

5) Евразийский Временник. Книга четвертая. *Содержание:* П. Савицкий — «Евразийство». П. Сувчинский — «Идеи и методы». Кн. Н. Трубецкой — «Мы и другие». Л. Карсавин — «Уроки отреченной веры». В. Ильин — «Столб злобы богопротивной». В. Сеземан — «Сократ и проблема самопознания». М. Шахматов — «Государство правды». В. Ильин — «К взаимоотношению права и нравственности». Г. Вернадский — «Два подвига Св. Александра Невского». Кн. Д. Святополк-Мирский — «О московской литературе и протопопе Аввакуме». Кн. Н. Трубецкой — «О туранском элементе в русской культуре». Я. Садовский — «Из дневника Евразийца». П. Савицкий — «Хозяин и Хозяйство». Изд. 1925 года. 445 стр. 1.25

6) Евразийский Временник. Книга пятая. *Содержание:* П. Сувчинский — «К познанию современности». Л. Карсавин — «Феноменология революции». В. Никитин — «Иран, Туран и Россия». С. Пушкарев — «Россия и Европа в историческом прошлом». Г. Вернадский — «Монгольское иго в русской истории». Кн. Н. Трубецкой — «К украинской проблеме». Л. Карсавин — «Основы политики». Н.

Алексеев — «Советский федерализм». С. Франк — «Собственность и социализм». П. Савицкий — «К вопросу о государственном и частном начале промышленности». Изд. 1927 года. Стр. 304 ..... 1.25

7) Евразийская Хроника № 6. — *Содержание:* Е. Р. — «Письмо из России»; «Переписка с Азиатом В. Ивановым (автором «Мы»). Л. Карсавин — «Младороссы». Текущее. — Евразийцы в Бельгии. П. Савицкий — «К вопросу об экономической доктрине евразийства». — Библиография. Изд. 1926 г. стр. 50 ..... 0.25

8) Евразийская Хроника № 7. — *Содержание:* Стрельцов — Письмо из России. Б. Ширяев — «Наднациональное государство на территории Евразии». П. Сувчинский — «О ликвидации и наследии социализма». А. — «События в Китае». — Текущее. — Библиография. Изд. 1927 г. Стр. 63 ..... 0.25

9) Евразийская Хроника № 8. — *Содержание:* Кн. Н. Трубецкой — «О государственном строе и форме правления». П. Савицкий — «О внепартийности». В. Ильин — «Об евразийском патриотизме». В. Никитин — «По Азии». В. Т. — «Понятие Евразии по антропологическому признаку». К. К. Чхеидзе — «Лига Наций и государства материки». Н. Алексеев — «Народное право и задачи нашей правовой политики». — Текущее. — Библиография. Изд. 1927 года Стр. 90 ..... 0.25

10) Евразийская Хроника № 9. — *Содержание:* Формулировка 1927 года. Записка по военному вопросу. Записка о суде. П. Сувчинский — «Монархия или сильная власть». Кн. Н. Трубецкой — «Общеевропейский национализм». Л. Карсавин — «Армия и революция». В. Никитин — «Ритмы Евразии». Вл. Иванов — «В защиту аналогий». — Обзоры. — Библиография. Изд. 1927 года 0.25

11) Россия и Латинство. Сборник статей. — *Содержание:* П. Савицкий — «Россия и Латинство». П. Сувчинский — «Страсти и опасность». П. Бицилли — «Католичество и Римская Церковь». Г. Вернадский — «Соединение церквей в исторической действительности». Кн. Н. Трубецкой — «Соблазны Единения». А. Карташев — «Пути Единения». Г. Флоровский — «Два Завета». В. Ильин — «К проблеме литургики в Православии и Католицизме». Из. 1923. Ст. 219.... 0.50

12) П. Савицкий — Географические особенности России. *Часть I.* — Растительность и почва. Изд. 1927 г. 177 стр. + карта + таблица 1.50

13) Г. Вернадский — «Начертание русской истории». — *Часть I.* Изд. 1927 г. Стр. 264 + карта 1.50

14) С. Франк. — «Религия и Наука». Издание 1925 года. 24 стр. 0.25

15) Л. Карсавин. — «О сомнении, науке и вере». Три беседы. Изд. 1925 года. Стр. 32 ..... 0.25

16) А. Хомяков. «О Церкви» (с примечаниями и предисловием Л. Карсавина). Изд. 1926 г. Стр. 89 ..... 0.45

17) Л. Карсавин. — «Церковь, личность и государство». Изд. 1927 г. Стр. 30 ..... 0.10

18) И. Р. — «Наследие Чингис-Хана». Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Из. 1925 г. Ст. 60 .... 0.45

19) Евразийство. «Опыт систематического изложения». Изд. 1926 г. Стр. 74 ..... 0.25

20) С. Франк. — «Основы марксизма». Изд. 1926 года. 50 стр. 0.25

21) «Комплектование Красной армии». Изд. 1926 года. Стр. 78 ..... 0.45

22) П. Савицкий. — «Россия особый географический мир». Изд. 1927 г. 68 стр. 0.35

23) Н. Алексеев. — «На путях к будущей России. Советский строй и его политические возможности». Изд. 1927 года Стр. 76 ..... 0.45

24) Кн. Н. Трубецкой. — «К проблеме русского самопознания». Изд. 1927 года. Стр. 94 и прилож. 0.45

25) С. Франк. — «О природе душевной жизни». (Критика материализма и обзор новейших течений психологии). (Готовится к печати)

26) Н. Алексеев. — «Теория Государства». (Готовится к печати).

27) Версты. Книга № 1. — *Содержание:* Сергей Есенин — Четыре стихотворения. Марина Цветаева — «Поэма горы». Борис Пастернак. — «Потемкин» (из книги «1905 год»). Илья Сельвинский — «Казачья походная»; «Цыганская»; «Цыганский вальс на гитаре»; «Частушки». Алексей Ремизов — Из книги «Николай Чудотворец»; «Росия». И. Бабель — «История моей голубятни». Артем Веселый — «Вольница». Алексей Ремизов — «Воистину» (Памяти В. В. Розанова). Лев Шестов — «Неистовые Речи (по поводу экстазов Плотина). Артур Лурье — «Музыка Стравинского». П. П. Сувчинский — «Два ренессанса». Кн. Д. Святополк-Мирский — «Поэты и Россия». Е. Богданов — «Три столицы». Кн. Н. С. Трубецкой — «Хождение Афонасия Никитина, как литературный памятник». Р. Пикельный — «На тему: «Искусство и быт». — Отклики русских писателей на резолюцию XII с'езда РКП. — Библиография. Материалы: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное.

28) Версты. Книга № 2. — *Содержание:* Марина Цветаева — «Тезей» (трагедия). Артем Веселый — «Восстание». Ю. Тынянов — «Конец». Андрей Белый — «Москва под ударом». — А. Ремизов — «Россия». «Заветы». Л. П. Карсавин — «Без догмата». Е. Богданов — «Трагедия интеллигенции». В. Э. Сеземан — «Искусство и культура». Кн. Н. С. Трубецкой — «О метрике частушки». Бернард Грухтейсен — «Парадокс буржуазного миросозерцания». Роман Фернандез — «Заметки о современной французской литературе». Е. М. Форстера — «Современная Английская Литература». Кн. Д. Святополк-Мирский — «Веяние смерти в предреволюционной литературе». — Библиография. — Материалы: П. П. Сувчинский — «По поводу Апокалипсиса нашего времени». В. Розанов: Апокалипсис нашего времени.

29) Версты. Книга № 3. *Содержание:* 1) От редакции. 2) Ма-

рина Цветаева — «С моря». «Письмо к Рильке». 3) М. Струве — Стихотворения. 4) А. Ремизов — «Бику»; «Расея». 5) Н. Бердяев — «Русская религиозная мысль и революция» 6) От редакции; 7) Л. П. Карсавин — «Россия и Евреи». 8) А. З. Штейнберг — Письмо Л. П. Карсавину. 9) А. З. Штейнберг — «Достоевский и Еврейство». 10) А. Лурье — «Две оперы Стравинского». 11) П. Сувчинский — «Письма в Россию». 12) С. Я. Эфрон — «Социальная база русской литературы». 13) Д. П. Святополк-Мирский — «Годовщины». «1905 год» Пастернака. Библиография. 14) В. П. Никитин — «По Азии». 15) П. Н. Савицкий — «К познанию русских степей». В. Дукельский — «Дягилев и его работа» Материалы: Н. А. Сетницкий — «Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова. Н. Ф. Федоров — «о Туркестане».

Адрес Главного Склада: FRANCE. CLAMART. (Seine). 4, rue Brissard.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.